ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ КЕРЕНСКАГО КРАЯ.

Составилъ врачъ Г. П. Петерсонъ.

[illegible]

ПЕНЗА.
Губернская Типографія.
1882.

Съ разрѣшенія Начальства.

Историческій очеркъ Керенскаго края.

I.

Куда еще задолго до основанія города Керенска берега р. **Вада**, протекающаго по Керенскому уѣзду, и берега р. Мокши, въ которую р. Вадъ впадаетъ, уже заселялись русскими выходцами изъ областей Рязанской и Муромской. Болѣе чѣмъ за четверть вѣка до Батыева нашествія, а именно, подъ 1209-мъ годомъ, уже упоминается г. **Кадомъ**, неизвѣстно когда основанный, но, какъ мы это знаемъ, лежащій на р. Мокшѣ неподалеку отъ устья р. Вада [1]). Изъ Кадома поселенія должны были распространяться по Ваду и далѣе [2]), и, очень можетъ быть, что русская колонизація нынѣшняго Керенскаго края совершилась бы давнымъ давно, если бы не была пріостановлена Батыевымъ нашествіемъ, которое въ 1237 году, какъ снѣгъ на голову, обрушилось на Рязанское княжество, а слѣдовательно и на сосѣднія съ нимъ земли нынѣшняго Керенскаго края [3]). По сверженіи монгольскаго ига коло-

1) Отъ Темникова 40 верстъ пала съ лѣвой стороны въ Мокшу **рѣка Вада**: протоку рѣки Вады 150 верстъ. А выше Вады рѣки 10 верстъ, на Мокшѣ **градъ Кадома** (книга больш. чертежа).

2) **Иловайскій**: „Истор. Рязанск. княжества."

3) У лѣтописцевъ земли нынѣшняго Керенскаго уѣзда назывались по имени издавна обитавшихъ здѣсь Мещеряковъ **Мещерою**; точно также какъ и сосѣднія съ Мещерою земли по рр Сурѣ и Мокшѣ назывались **Мордвою**, по имени Мордвы тамъ обитавшей. Затѣмъ въ IX вѣкѣ когда Мещерою и Мордвою овладѣли **Буртасы**, одно изъ воинственныхъ азіатскихъ племенъ жившее до того времени между рр. Ателомъ (Волга) и Геэхомъ (Яикъ-Уралъ), то съ этихъ поръ Мещерская и Мордовская страна стала называться по имени завоевателей землею **Бертасъ** или **Буртасъ**, про-

низація края снова оживилась, потому что съ этого времени предѣлы Московскаго государства начинаютъ раздвигаться и на востокъ и на югъ. Въ правленіе Елены Глинской, около половины XVI вѣка,—въ мещерѣ строится **Шатскъ** (Шацкъ—1522), и на р. Мокшѣ—**Мокшанъ** (1535), а отъ Алатыря и Темникова до Рыльска и Путивля уже существуетъ цѣлая линія укрѣпленныхъ городовъ, чтобы служить преградою вторженіямъ Кубанцевъ, Крымцевъ и другихъ хищныхъ кочевниковъ, время отъ времени нападавшихъ на юго-восточныя окраины государства, называвшіеся тогда „**польской** (т. е. полевой) **украйной**".

Въ царствованіе Ивана IV Грознаго, послѣ покоренія имъ Казани, упомянутая сторожевая черта выдвигается еще далѣе къ югу и получаетъ правильное устройство. Проведеніе новой черты послужило причиной къ существованію

странство которой какъ въ длину, такъ и въ ширину, опредѣлялось тогда въ 15 или 20 дней пути (Якутъ и Эдризи). Въ землѣ Буртасъ было два города: **Сванъ** и **Буртасъ** имѣвшіе до 10.000 жителей и двѣ мечети, хотя эти города, по всей вѣроятности были ничто иное какъ зимовья, потому что Буртасы по природѣ своей были кочевники. По свидѣтельству Массуди земля Буртасовъ была пространна, лѣсиста и вела торгъ съ дальнимъ востокомъ драгоцѣнными мѣхами, воскомъ и медомъ. Буртасскіе мѣха чернобурыхъ лисицъ, соболей, куницъ и бобровъ славились у Абаселдовъ и во всей Имперіи Халифовъ и кромѣ восточныхъ рынковъ часто вывозились въ страну „Ифренджовъ" (т. е. Западно-Европейцевъ) Испанію и Африку. Но кромѣ арабскихъ писателей о природныхъ богатствахъ Буртасскихъ провинцій говорятъ также и Европейскіе путешественники, какъ напр. Рубруквисъ. Такимъ образомъ несомнѣнно, что въ старину Керенская и вообще Пензенская сторона была по преимуществу **сторона лѣсная**, щедро надѣленная всѣми лѣсными богатствами.

Что же касается до племени Буртасовъ когда-то здѣсь господствовавшемъ, то племя это какъ будто исчезло съ лица земли, оставивъ слабый слѣдъ своего существованія лишь въ названіи нѣсколькихъ селеній, (сс. Салтыково-Буртасъ, Знаменское-Буртасъ и Малый Буртасъ), да еще ничтожной рѣчки **Буртасъ**, которая и до сихъ поръ существуетъ въ Керенскомъ уѣздѣ.

При изслѣдованіи вопроса о Буртасахъ, необходимо произвести раскопку кургановъ или, такъ называемыхъ „**Маръ**", которые находятся въ Керенскомъ и сосѣднихъ съ нимъ уѣздахъ.

г. Керенска и многихъ другихъ городовъ Пензенской губерніи.

Въ росписяхъ 1571 года, „по распросу" боярина князя Воротынскаго, (главнаго начальника сторожевой линіи), въ разрядѣ 10-мъ, подъ заглавіемъ: „сторожи Мещерскія" читаемъ: 4-я сторожа вверхъ **Ваду**, а сторожемъ на ней стояти изъ Кадома, да изъ Темникова шти (т.-е. 6 ти) человѣкамъ, изъ города по три человѣка; а берéчи имъ и разъѣзжати чрезъ **Вадовскую** и **Идовскую** дорогу [1]), до Ломовскихъ сторожей верстъ съ 60-тъ".

Въ томъ же 1571 году въ октябрѣ мѣсяцѣ передъ сторожами было велѣно: „поле жечи по Идовской дорогѣ, по Буртасу и по Воронѣ и по обѣ стороны **Ченгара**" [2]).

Однако, что же такое были эти сторожи, и какъ, вообще, была устроена порубежная черта?

Еще и теперь въ разныхъ мѣстахъ Керенскаго уѣзда, по правому берегу Вада можно видѣть остатки такъ-называемыхъ **городковъ** [3]), которые находятся на возвышен-

1) Неизвѣстно гдѣ пролегала **Вадовская** дорога, чтоже касается до **Идовской**, то мы знаемъ, что недалеко отъ границъ Спасскаго уѣзда начинается р. **Идовна**, течетъ она по Шатскому уѣзду и впадаетъ въ Цну ниже р. Вышн. Вѣроятно по рѣчкѣ назвалась и дорога, а пролегала она можетъ быть по западной части Керенскаго уѣзда между рр. Вышею и Вадомъ—по водораздѣлу. Селенія Кито, Полная Крутовка и Ртищево лежатъ, надо думать, на этой дорогѣ или близь нея.

2) **Бѣляевъ**: „О станичной и сторожевой службѣ въ мальской украйнѣ."

Ченгаръ, небольшая рѣчка, впадающая въ Вадъ подъ г. Керенскомъ.

3) Кромѣ городковъ существуютъ еще такъ назыв. „**Городища**", которые отличаются отъ городковъ своимъ **объемомъ** и **формой**, какъ это можно видѣть по остаткамъ Городища близь селенія Ширангушъ Спасскаго уѣзда Тамбовск. губ. По Калайдовичу и Самоквасову (письма объ археологическ. изслѣдов. въ Рязанск. губ. и древніе города Россіи) городища расположены на высокихъ пунктахъ высокихъ побережій и защищены съ 2-хъ или 3-хъ сторонъ естественными оврагами; величина городищъ, наименьшая въ 200 шаговъ, наибольшая въ 1000 шаговъ, а форма круглая, полукруглая или треугольная. Входъ въ городище, по Ходаковскому, всегда съ восточной стороны, по Самоквасову, съ той стороны, которая примыкаетъ къ открытому, ровному полю. Ширингушское городище по описанію Дубасова (историческая

ныхъ пунктахъ гористой стороны рѣки и имѣютъ видъ небольшихъ четыреугольныхъ площадокъ, окопанныхъ глубокими рвами. Точно также уцѣлѣли кое-гдѣ и остатки когда-то безконечнаго землянаго вала, [1]) который то исчезаетъ въ лѣсныхъ чащахъ, то снова появляется на открытыхъ мѣстахъ. Все это слѣды порубежной черты, тянувшейся въ этой сторонѣ, отъ Шатска черезъ Керенскъ и Ломовъ до Пензы и далѣе.

Разбросанные по этой линіи сторожи или притоны, были ничто иное, какъ небольшія укрѣпленьица, [2]) гдѣ меж-

---

записка о Тамбовокомъ краѣ) представляетъ высокую площадь въ формѣ неправильнаго круга, опоясанную въ два ряда рвами, въ настоящее время большею частію разрушенными. Длина его, примѣрно, сажень 80, а ширина сажень 60. Въ серединѣ городища находится глубокая воронкообразная яма, повидимому бывшій колодезь, а съ двухъ сторонъ его проходятъ два глубокихъ, аршинъ въ 25, оврага, которые сходятся на юго-западѣ подъ угломъ съ восточной же стороны прорытъ искусственный оврагъ. Что же касается до Керенскихъ „городковъ", то такихъ извѣстно три: 1) около дер. **Фелицатовки**; 2) близъ дер. **Пеньковъ** и 3) противъ дер. **Свищевой**, на „кладовой" горѣ. Болѣе другихъ сохранился городокъ близъ дер. Пеньковъ, онъ имѣетъ въ длину 23 шага, а въ ширину 17 шаговъ, форма его четыреугольная, съ воротами къ востоку. Отъ этихъ воротъ внизъ, по косогору, замѣтны еще слѣды профиля прежде бывшей здѣсь дороги, а подъ горою, на краю болотистой долины, по которой течетъ маленькій ручей **Падерка**, крестьяне показываютъ два засоренныхъ родника, называющіеся **сверчками**. Изъ городка видъ во всѣ стороны и на далекое пространство.

„Городища" принадлежатъ къ древнѣйшимъ памятникамъ быта Славянъ и, по свидѣтельству Ходаковскаго, встрѣчаются на обширномъ пространствѣ отъ Камы до Эльбы и отъ Сѣверной двины до балканскихъ горъ и Адріатическаго моря. О городищахъ упоминается еще въ XII столѣтіи „влѣто 1179 пріидоша иноплеменницы къ Переяславлю а князи поидоша на Сулу и сташа близъ городища Лукомля". Городища служили для славянъ священными мѣстами куда они собирались для религіозныхъ обрядовъ и праздниковъ; здѣсь иногда хоронили умершихъ. (Матеріалы для географіи и статист. Россіи 1867 года.

1) Земляной валъ въ Керенскомъ уѣздѣ сохранился только въ немногихъ мѣстахъ: 1) около с. Большой-Луки, гдѣ отъ Казѣевской рощи онъ тянется по гребню горы къ д. Теневой; 2) Около Керенска слѣды вала видны близъ слободы Красовки и позади новой Архангельской церкви; 3) наконецъ за с. Ягановкой, противъ с. Козлейки, валъ тянется на протяженіи 2 верстъ и затѣмъ вдругъ обрывается.

2) По мнѣнію составителей „матеріал. для географ. и статист. Россіи". городки существовали еще въ глубокой древности и имѣли значеніе городищъ; въ послѣд-

ду прочимъ устроивалась еще и деревянная вышка, на которой день и ночь стоялъ стражникъ, наблюдавшій за окрестностями; да и самые то сторожи судя по расположенію Керенскихъ городковъ вѣроятно располагались такимъ образомъ, чтобы изъ одной можно было видѣть другую. Вообще же располагались они въ передовой линіи городовъ и въ разныхъ направленіяхъ, дня на четыре или на пять пути отъ города, а другъ отъ друга—рѣдко на два, а большею частію на день, даже полдня или меньше, пути; вслѣдствіе чего вѣсти о приближеніи непріятеля передавались быстро въ города и распространялись по всей линіи, такъ называемыми, **вѣстовщиками**. Въ ночное время, для болѣе быстрой передачи вѣстей, на вышкѣ зажигался, припасенный на этотъ случай смоляной вѣникъ и таким образомъ на линіи въ разныхъ мѣстахъ вспыхивали огоньки, дававшіе знать населенію о приходѣ непріятельскихъ „ратныхъ и воровскихъ людей.“ Въ лѣсахъ гдѣ земляной валъ прерывался, пролагась „**просѣка**“ огражденная съ непріятельской стороны „**заваломъ**“ или „**засѣкой**“, т. е. полосой рубленнаго и поднятаго на пни лѣса сажень во 20 или болѣе ширины и соотвѣтствующей тому высоты. Въ нѣкоторомъ состояніи отъ завала съ русской стороны была сдѣлана дорожка или **стежка**, по которой должны были ѣздить служилые люди, посланные для обереганья завала. [1]) Ближе къ рѣкѣ, гдѣ въ болотахъ

ствія же, находясь на границѣ были обращаемы въ укрѣпленія. Такое заключеніе составители матеріаловъ выводятъ изъ того, что еслибы городки имѣли значеніе крѣпостей, то къ чему они другъ къ другу такъ близки и сверхъ того, точно такіе же во всѣхъ отношеніяхъ находятся внѣ направленія линій и неимѣютъ никакого удобства военныхъ укрѣпленій“.

1) „... подлѣ Инсарской засѣки въ русскую сторону по чертѣ учинить **стежку** не велику, чтобы можно тою стежкою проѣхать одному человѣку въ одинъ конь; а учинить эту стежку отъ лѣснова завалу въ 25 саженяхъ или какъ пригожъ по сво-

нельзя было дѣлать рва и насыпать **вала**, были вбиты „**забои**“ или сваи, коихъ сплошной рядъ назывался **частоколомъ** или **честикомъ** [1]).

О происхожденіи „городковъ“ въ мѣстномъ населеніи существуетъ даже преданіе, впрочемъ, весьма незамысловатое. По этому преданію,—жилъ, когда то, въ здѣшней сторонѣ **разбойникъ Кудеяръ** [2]), обладавшій несмѣтными богатствами. Этотъ Кудеяръ и построилъ „городки“, а въ нихъ и около нихъ, зарылъ богатые клады. Клады лежатъ тамъ и понынѣ, то въ чугунныхъ котлахъ, прикованныхъ цѣпями къ корнямъ стараго дуба; то въ мѣдныхъ трубахъ, а то и въ деревянныхъ бочкахъ, окованныхъ желѣзными обручами. Въ темныя ночи, на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ спрятаны клады, иногда горятъ огни,—какъ будто свѣчка теплится,—а попытки овладѣть зарытыми въ землѣ богатствами всегда кончаются неудачами, потому, что стережетъ клады нечистая сила.... Объ одной изъ такихъ попытокъ

ему разсмотрѣнію, чтобы съ той стежки лѣсной завалъ видѣть было, и беречи тово на крѣпко, чтобъ о причьтѣхъ людей, которые въ проѣздъ учнуть посылатца никакіе люди тою стежкою неѣздили и никто про ту стежку невѣдалъ; да и сторожамъ и которыхъ людей въ проѣздъ учнуть посылать приказывать на крѣпко, чтобъ подлѣ засѣкъ ѣздили лѣсомъ указною стежкою а вновь стежекъ въ засѣкѣ не накладывали у засѣчнаго не портили“..... (Наказъ Инсарскому воеводѣ 7193 года (1685).

1) **Калачевъ** „объ Инсарѣ“ Журн. Министр. Народн. Просвѣщ. 1855 года январь.

2) Карамзинъ въ своей Истор. Госуд. Росс. тт VII и IX упоминаетъ **о трехъ Кудеярахъ** или **Кудоярахъ**: 1) Кудеярѣ **Мурзѣ Крымскомъ**; 2) Кудеярѣ **послѣ Астраханскомъ**: “.....того лѣта (1533) въ августѣ пріидѣ на Москву изъ Астрахани отъ царя Абдылъ-Рахмана **Кудояръ**“..., и наконецъ 3) о бояринѣ **Кудоярѣ Тишенковѣ** или **Ратишенковѣ** причемъ этотъ послѣдній называется „**разбойникомъ**“. „...братъ нашъ (Девлетъ-Гирей) сослався съ нашими измѣнники, съ бояры, да пошелъ на нашу землю; а боярѣ наши еще на полѣ прислали съ вѣстью **разбойника Кудеяра Ратишенкова**“...такъ говорилъ Іоаннъ IV гонцу Ханскому въ 1574 году. Спрашивается теперь котораго изъ трехъ кудеяровъ можно считать Кудеяромъ Керенскаго преданія? Ближе другихъ подходитъ послѣдній, т. е. Кудеяръ Ратишенковъ, тѣмъ болѣе, что и годъ подъ которымъ онъ упоминается въ лѣтописи, 1574, соотвѣтствуетъ существованію въ здѣшнихъ мѣстахъ сторожевой линіи.

вотъ что записалъ въ памятной церковной книгѣ, священникъ с. Сергіевскаго-Поливанова [1]). Приводимъ эту запись достословно: „Тому назадъ лѣтъ за полтораста, кромѣ многократныхъ явленій на этомъ мѣстѣ (т. е. на „кладовой горѣ") горящей свѣчи, было видѣніе нѣкоему человѣку. Сей человѣкъ, ходя по этой горѣ въ лѣтнее время, заснулъ отъ усталости и во снѣ узналъ о существованіи здѣсь клада. Пробудившись онъ вдругъ увидѣлъ отверстіе земли, нѣсколько около него охранительныхъ солдатъ, а во внутренности нѣсколько огромныхъ бочекъ. Человѣкъ далъ знать объ этомъ въ Керенскъ; пріѣхали изъ Керенска слѣдователи (не судебные, конечно), и дорылись до разнаго металла.... но жители подкупили слѣдователей, чтобы тѣ несказывали о своемъ открытіи, а вышерѣченный человѣкъ былъ изобличенъ во лжи и засѣченъ до смерти". Нѣсколько иначе о Кудеярѣ разсказываетъ преданіе въ Спасскомъ уѣздѣ. По этому преданію: было семь братьевъ Кудеяровъ и у каждаго изъ нихъ былъ свой городокъ, но всѣ они слушались своего старшаго брата. Кудеяры хоть и разбойники, но были люди добрые—бѣднымъ помогали даже, при случаѣ, потому что обладали несмѣтными богатствами... [2]) далѣе разсказывается объ извѣстныхъ намъ кладахъ и ихъ нахожденіи разными лицами, словомъ: ничего новаго и интереснаго.

---

1) Разсказъ этотъ записанъ однимъ изъ священниковъ времени Епископа Варлаама, потому что книги были заведены по приказу этого Архипастыря, имѣвшаго въ виду такимъ путемъ собрать всевозможныя (историческія, этнографическія, топографическія, экономическія и т. п.) свѣдѣнія о каждомъ приходѣ Пензенской Епархіи, и если бы мысль преосвященнаго осуществилась, то можетъ быть, Пензенское духовенство обладало бы теперь богатымъ и весьма разнообразнымъ матеріаломъ, для всесторонняго изученія нашей губерніи.

2) Дубасовъ: „Историческая записка о Тамбовскомъ краѣ".

II.

Послѣ всего вышеизложеннаго, приступая наконецъ къ исторіи собственно города Керенска и его уѣзда, на первомъ же шагу встрѣчаемъ затрудненіе опредѣлить съ точностью годъ, въ которомъ основанъ г. Керенскъ. Въ самомъ дѣлѣ: онъ не упоминается въ числѣ новыхъ городовъ, основанныхъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича, и къ которымъ принадлежатъ Верхній и Нижній Ломовъ, Саранскъ и наконецъ Инсаръ, основанный въ 1648 г. Очень можетъ быть, что Керенскъ основанъ или въ одно время съ этими городами или же нѣсколько позже ихъ, но во всякомъ случаѣ ранѣе 1658 года, потому что въ этомъ году онъ назывался уже городомъ, какъ это видно изъ надписи на одномъ антиминсѣ, освященномъ патріархомъ Никономъ.

Мѣсто гдѣ первоначально основался г. Керенскъ—то самое, на которомъ онъ стоитъ и теперь, та самая гора, у подножія которой сливаются три Керенскія рѣчки: Вадъ, Керенка и Чангаръ.

До основанія города, Керенская гора, какъ и сосѣднія съ нею возвышенности, была покрыта лѣсомъ, который и пришлось вырубать когда строился городъ, вслѣдствіе чего, можетъ быть, онъ и свое названіе „Керенскъ“, получилъ отъ мордовскаго слова **„керянъ“**—рублю, вырубаю.

Цѣль, съ которой основанъ г. Керенскъ исключительно стратегическая: защита отъ набѣговъ дикихъ кочевниковъ, а потому съ самаго начала Керенскъ долженъ былъ имѣть видъ крѣпости или „острога“, какъ назывались тогда всѣ эти небольшія укрѣпленія польской украйны, ставшіе, впослѣдствіи, городами. Такимъ онъ и былъ въ

первое время своего существованія, хотя и назывался уже городомъ [1]). Глубокій ровъ и земляной валъ окружали городъ со всѣхъ сторонъ; „за валомъ", какъ сказано въ описи 1681 г., „отъ степной стороны подлѣ рва" шли „надолбы", т. е. дубовые стояки вбитые въ землю сплошною стѣною. Кромѣ того, городъ былъ еще огражденъ деревянною стѣною съ такими же башнями, возвышавшимися по угламъ. Какъ башни, такъ и стѣны были дубовые, „рублены на четыре угла" или въ клѣтку, крыты тесомъ, а внутри ихъ былъ настланъ **мостъ** или полъ и подѣланы лѣстницы. На каждой изъ угольныхъ башенъ стояла пушка или пищаль (**затинная**); при пушкахъ находились **пушкари**, при пищаляхъ—**затинщики** [2]). Въ башняхъ среднихъ, за исключеніемъ башни обращенной ко рву, сдѣланы были ворота „**съ пробоями, крюками и желѣзными замками**". Надъ каждыми изъ воротъ **былъ образъ**, а въ самыхъ воротахъ стояло по мѣдной пушкѣ. Башни съ воротами назывались **проѣзжими**, неимѣющія воротъ—**глухими**; отъ глухой башни былъ устроенъ тайникъ съ колодцами, чтобы во время осады имѣть подъ руками воду. Зданія внутри крѣпости: **съѣзжая изба** [3])—мѣсто суда и расправы,

1) Слово „городъ" въ современномъ его смыслѣ, едва ли могло быть приложимо къ городамъ возводимымъ вблизи сторожевой черты; потому что въ тѣ времена, всякое **огороженное** мѣсто называлось вообще „городомъ" огородомъ вслѣдствіе чего и населенные пункты, если только они были ограждены валомъ, рвомъ или стѣною получали названіе **городовъ**.

2) Изъ памяти окольничему князю Масальскому Литвиному можно видѣть каково было тогда вооруженіе городовъ подобныхъ Керенску: „.....а наряду указалъ Государь въ тотъ новый острогъ послати съ Москвы: 4-ре пищали мѣденыхъ, ядро по двѣ гривенки и пополутретьѣ гривенкѣ, до 50 пуд. свинцу, 50 пуд. зелья, да къ тѣмъ же пищалемъ ядро смотря по зелью". (Матер. для географ. и стат. Россіи).

3) Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь объясненіе профессора С. М. Соловьева о происхожденіи слова „**изба**" это названіе произошло, путемъ перефразированія отъ слова **истый**, т. е. существующій, твердый, неподвижный такимъ образомъ: **истоба. истобка, истьба—изба**, во всѣхъ этихъ названіяхъ слышится коренное слово истый, („Начале русск. земли" проф. С. М. Соловьева намеч. въ сбор. государ. знаній).

караульныя избы у проѣзжихъ башенъ, **воеводскій дворъ, тюрьма** и, безъ сомнѣнія **амбаръ** для склада оружія и **погребъ,** гдѣ хранилось **пушечное** и **ручное зелье**; можетъ быть была также и **пытошная башня.** Имѣлся, конечно, **вѣстовой колоколъ**—эта необходимая принадлежность прежнихъ городовъ [1]),—и висѣлъ этотъ колоколъ можетъ быть на церковной колокольнѣ, такъ какъ въ одно время съ городомъ воздвигался, обыкновенно и храмъ.

Теперь спрашивается: который изъ существующихъ нынѣ четырехъ храмовъ Керенскихъ самый древнѣйшій, построенный первымъ по основаніи крѣпости?

По клировымъ вѣдомостямъ построеніе храмовъ Керенскихъ въ ихъ настоящемъ видѣ относится къ концу прошлаго столѣтія; между тѣмъ намъ извѣстно, что Богоявленская и Архангельская [2]) церкви существовали еще во времена Патріарховъ, отъ коихъ и награждены были писцовою землею въ количествѣ 71 десятины. Кромѣ того относительно Богоявленской церкви извѣстно, что она существовала ранѣе 1681 года. Чтоже касается до соборнаго храма, то хотя основаніе его по клировымъ вѣдомостямъ и относится къ 1754 году, но тѣмъ не менѣе можно полагать, что онъ существовалъ гораздо ранѣе.

Къ такому заключенію мы приходимъ во 1-хъ потому, что мѣсто занимаемое храмомъ находится въ чертѣ бывшей крѣпости; въ 2-хъ, что остальныя Керенскія церкви, соименныя слободамъ, въ которыхъ онѣ находятся, не могли основаться ранѣе слободъ, а слободы возникли уже по основаніи города; наконецъ въ 3-хъ, имѣя въ виду старин-

---

1) Колачевъ: „объ Инсарѣ" Журн. Министр. Народ. Просвѣщ. 1855 г. январь.

2) Упоминая объ Архангельской церкви мы разумѣемъ не новую каменную, а старую деревянную, стоявшую въ концѣ Дворянской улицы и года три, четыре тому назадъ за ветхостью разрушенную.

ный обычай одновременно съ основаніемъ городовъ строить въ нихъ и церкви,—можно думать, что и при основаніи Керенска было поступлено такимъ же образомъ, т. е. въ одно время съ городомъ поставлена была въ немъ и церковь и, что этою первою церковью былъ соборный храмъ. Такое предположеніе наше тѣмъ болѣе дѣлается вѣроятнымъ, что недавно около собора случайно открыты слѣды существованія стариннаго кладбища, при чемъ найдена дубовая колода со скелетомъ [1]). Первый храмъ Керенскій, какъ и прочіе Керенскіе храмы, въ началѣ своего существованія былъ деревянный и всѣмъ необходимымъ снабжался отъ казны, не выключая денежнаго и хлѣбнаго жалованья, отпускаемаго священно-церковно-служителямъ. (**Церковная руга**). [2])

Первые жители населявшіе вновь построенный городъ, были какъ и на всей линіи, переведенцы изъ разныхъ мѣстъ составлявшіе особый классъ служилыхъ людей, которыхъ, по выраженію **„строенныхъ книгъ“**, [3]) въ званіяхъ стрѣльцовъ, казаковъ, пушкарей, воротниковъ, засѣчныхъ сторожей и посадскихъ „строили на вѣчное житье у засѣчныхъ крѣпостей“. Точно также служилыхъ людей можно считать и основателями нѣкоторыхъ селеній въ Керенскомъ краѣ. Такъ напр. въ **Чіушъ-Каменкѣ** въ 1655 году жили засѣчные

---

1) Дубовые гроба въ формѣ колодъ начинаютъ выходить изъ употребленія съ первыхъ годовъ XVIII вѣка, когда Петръ I, изыскивая средства для умноженія государственныхъ доходовъ, между прочимъ, запретилъ частнымъ лицамъ продажу дубовыхъ гробовъ и передалъ ее въ вѣдѣніе казны, отчего гробы сдѣлались **дороже въ четверо** (С. М. Соловьевъ чтенія о Петрѣ Велик.).

2) Протоіерей Ѳ. П. Островидовъ. Пензенск. Епарх. вѣдомости 1866 г.

3) Существовали особыя книги подъ названіемъ строенныхъ; въ эти книги вписывались воеводами служилые люди, коихъ они селили, „строили на вѣчное житье у засѣчныхъ крѣпостей“. Люди эти были переведенцы и отчасти даже ссыльные изъ понизовыхъ городовъ. Въ числѣ переселенцевъ были какъ русскіе, такъ и иностранцы, но въ особенности татары, мордва и черемисы.

сторожа, а въ 1677 году казаки, [1]) **с. Рахманка** основана на мѣстѣ бывшихъ Керенскихъ конныхъ казаковъ; **Выборное** принадлежало стрѣлецкому выборному полку, а **Киты** считается колоніей выборнова полка. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Керенскій край заселялся также и крестьянами. Царь Алексѣй Михайловичъ жаловалъ своимъ боярамъ **за заслуги** [2]) „тучныя пажити" въ этомъ краю, а бояре, въ свою очередь, сводили на жалованныя земли, не только что своихъ крестьянъ но сманивали и чужихъ, сосѣднихъ, надѣляя ихъ въ изобиліи землею. Такимъ путемъ возникла между прочимъ д. **Снохина** [3]).

Въ концѣ царствованія Алексѣя Михаиловича, съ умноженіемъ жителей выростаютъ около г. Керенска слободы: Казачья (Богоявленская) и Архангельская; самъ же г. Керенскъ становится административнымъ центромъ обширной области и въ немъ уже находятся воеводы.

III.

Въ 1671 году для Керенскаго края, какъ и для всего западнаго поволжья, настало, такъ называемое **„бунтовое**

---

1) **Различныя названія Чіушъ-Каменки:**

Въ 1665 году деревня Чіушъ-Каменка.

Въ 1677 — село Никольское Чіушъ-тожъ.

Съ 1795 1806—Чіушъ.

Съ 1806 и по нынѣ с. Чіушъ-Каменка.

2) „Великій Государь, Царь и Великій Князь указалъ: (1656 г. сент. 20) разсмотрѣти, которые вельможи и дѣти боярскіе многими землями завладѣли, а службою непротивъ (т. е несоотвѣтственно) Государева жалованья и своихъ вотчинъ въ службахъ бываютъ; Государь же повелѣлъ въ помѣстьяхъ землемѣромъ уверстати и учинити каждому, что достойно, а излишки раздѣлить неимущимъ.

3) **1727 года дѣло о деревнѣ Снохинѣ, построенной Курамшею.** „А съ допроса Курамша показалъ: крѣпостныхъ де своихъ старинныхъ крестьянъ 2 двора изъ Владимірскаго уѣзду изъ д. Окуловой за Ломовск. и Керенск. на дикое, **Ковыльное** поле перевелъ и поселилъ безъ указу на р. Ушенье въ другой вершинѣ, что нынѣ дер. **Снохина**, лѣтъ съ 25-ть.

Стенькино время", [1]) т. е. пришелъ волжскій атаманъ Стенька Разинъ съ своими шайками. Впрочемъ самъ Разинъ въ Керенскѣ не бывалъ; самъ онъ въ это время, съ главными силами осаждалъ Симбирскъ, а въ Керенскъ зашла одна лишь изъ Разинскихъ шаекъ [2]) прибывшая изъ Ломова съ атаманомъ **Мишкою Харитоновымъ.** Это было въ Ноябрѣ мѣсяцѣ 1671 года, когда воеводою въ Керенскѣ былъ **Автомонъ Семеновичъ Безобразовъ.**

Изъ показанія, какого-то, Василія Семенова Ушакова видно, что „какъ де къ Керенску воры пришли и Керенскіе де служилые люди воромъ сдались жа, а воевода Автамонъ Безобразовъ ушелъ."

Впрочемъ „уйти" воеводѣ, должно быть не удалось, потому, что въ донесеніи Шатскаго воеводы **Хитрово** сказано, что „воры, измѣнника и богоотступника Стеньки Разина, Керенскаго воеводу Автамона Семенова сына Безобразова въ воровскомъ своемъ мятежѣ казнили смертію."

Затѣмъ о дальнѣйшихъ дѣяніяхъ „воровскихъ людей" Ушаковъ даетъ такое показаніе: „И изъ Керенска атаманъ Мишка Харитоновъ, а съ нимъ воровъ съ 1000 человѣкъ или больши, пошли подъ Шацкой; и въ Шацкой де ихъ не допустили: пришелъ на нихъ думный дворянинъ Яковъ Тимофѣевичъ Хитрово съ Государевыми ратными людьми и многихъ воровъ побили".

---

1) Поповъ „Матеріалы для исторіи возмущенія Стеньки Разина" отсюда нами заимствована большая часть III-ей главы.

2) Появленіе Разинскихъ шаекъ подъ Ломовымъ и Керенскомъ въ то время когда Разинъ осаждалъ Симбирскъ объясняется тѣмъ, что во время движенія Разина къ Симбирску, двѣ партіи разбойниковъ, отдѣлившись отъ главныхъ силъ одна подъ Саратовымъ, а другая по приходѣ въ Симбирскъ, бросились грабить области на правой сторонѣ Волги и такимъ образомъ зашли въ предѣлы нынѣшней Пензенской губерніи.

Пораженіе, нанесенное ворамъ подъ Шацкомъ было, должно быть, ужасное, потому что по словамъ другаго атамана Васьки Ѳедорова, остававшаго во время похода подъ Шацкъ въ Верхнемъ-Ломовѣ, „они де воры достальные (т. е. Мишка Харитоновъ съ товарищами послѣ пораженія подъ Шацкомъ) прибѣжали къ Ломовамъ и хотѣли бѣжать къ Стеньки въ Синбирской и Ломовскіе де жители ихъ воровъ почели унимать и говорить: мы де подъ Шацкой пойдемъ всѣми головами. И пошли де Ломовцы и Керенцы подъ Шацкой поголовно и взяли изъ тѣхъ городовъ 7 пушекъ и стали подъ **Раковымъ.** И подъ Раковымъ пришли на нихъ Государевы люди изъ Шацкаго, и они де отъ Государевыхъ людей **отошли отходомъ.**"

Послѣ этого отступленія „воровъ", атаманъ Васька Ѳедоровъ покидаетъ ихъ и вмѣсто того, чтобы возвратиться въ Ломовъ остается въ Керенскѣ, потому что „Керенскіе де жители его не отпустили и велѣли ему быть атаманомъ."

Между тѣмъ Мишка Харитоновъ изъ подъ Ракова отошелъ къ **Зарубкину** и занявъ своими толпами большой лѣсъ, и укрѣпившись въ немъ засѣками рѣшился принять битву, тѣмъ болѣе, что ратныхъ людей съ нимъ было не мало: „тысячь съ пять, а всѣ де люди Керенцы, да Верхняго, да Нижняго города Ломова служилые люди и крестьянство."

О послѣдовавшихъ затѣмъ двухъ битвахъ между „ворами" и Государевыми людьми приведемъ, достословно, слѣдующее донесеніе Янки (Якова) Хитрово Въ нынѣшнемъ, Государь, во 179 году (1671) декабря въ 9 день, по Твоему Великаго Государя указу изъ Шацкаго уѣзду съ Твоими Великаго Государя ратными людьми и съ Шляхецкимъ полковникомъ съ Денисомъ Швейковскимъ и его полку Московскаго списку и съ Смоленскою и съ Бѣльскою и съ Ро-

славскою шляхтою шелъ я холопъ твой на воровскіе засѣки черезъ большой лѣсъ, и у тѣхъ, Государь, засѣкъ, у Твоихъ Великаго Государя ратныхъ людей, декабря въ 11-й день, съ воровскими людьми былъ бой, а на томъ Государь, бою полковника Денисова полку Швыйковскаго Твои Великаго Государя ратные люди Московскаго списку и шляхта къ тѣмъ воровскимъ засѣкамъ приступали жестокими приступами, бились явственно нещадя головъ своихъ, и у тѣхъ засѣкъ воровскихъ людей побивали и знамена и зелья и свинецъ у воровскихъ людей отбивали".

„А Декабря, Государь, въ 13 день, по Твому Великаго Государя указу, послалъ я холопъ твой изъ Керенскова уѣзду **изъ деревни Селишъ** [1]) къ г. Керенску для подлинныхъ вѣстей и языковъ и промыслу надъ воровскими людьми, его-жъ Денисова полку Швыйковскаго ротмистра **Данилу Пасока** съ шляхтою; и тотъ Государь ротмистръ прислалъ ко мнѣ холопу Твоему въ деревню Селища съ вѣстью, что де встрѣтились съ ними въ Керенскомъ уѣздѣ въ деревнѣ **Ачадовѣ** [2]) воровскіе люди большимъ собраньемъ и учинили съ ними бой большой, и чтобы мнѣ холопу Твоему подать имъ помочь. И я, холопъ Твой, изъ деревни Селищь съ Твоими Великаго Государя ратпыми людьми съ конными и пѣшими и съ нарядомъ шелъ къ деревнѣ Ачадовѣ на спѣхъ, а полковникъ, Государь, Денисъ Швыйковскій съ шляхтою пришелъ къ той деревнѣ напередъ и учинилъ съ воровскими людьми бой большой и тѣхъ воровскихъ людей передъ д. Ачадовою сѣкли и съ поля въ обозъ вбили, и тѣ, Государь, воровскіе люди укрѣпились обозомъ, и я холопъ Твой пришедъ къ той деревнѣ со

---

1) Нынѣ село **Покровское-Селища** Спасскаго уѣзда.

2) Нынѣ село **Никольское-Очадово** Спасскаго уѣзда.

всѣми ратными людьми и съ нарядомъ, и почали къ той деревни приступать и изъ пушекъ по воровскому обозу бить, а полковникъ, Государь, Денисъ Швыйковскій своего полку съ шляхтою приступали къ той деревни жестокими приступами и билися явственно, нещадя головъ своихъ; пріѣзжали, Государь, къ воровскому обозу, на воровскихъ людей на пику, и пику у воровскихъ людей сѣкли и обозъ ломали; а многіе, Государь, шляхта на томъ бою отъ воровскихъ людей переранены тяжелыми ранами, пиками и рогатинами пробиты на сквозь, а иные изъ пищалей и изъ луковъ прострѣлены, а подъ иными, Государь, лошади побиты. И на томъ, Государь, бою отъ ихъ шляхецкихъ жестокихъ приступовъ на воровскихъ людей напалъ великій страхъ, а достальные, Государь, воровскіе люди сдались и Тебѣ Великому Государю свои вины принесли, и изъ обозу распущены, и пришли многіе въ домы свои въ городъ Керенскъ и про шляхецкій, про жестокіе напуски и про приступы своей братьѣ Керенскимъ всякихъ чиновъ людямъ разсказывали. А какъ я холопъ твой, декабря въ 14-й день, шелъ къ Керенску со всѣми ратными людьми, а полковникъ, Государь, Денисъ Швыйковскій своего полка съ шляхтою шелъ, а до того напередъ урядяся большимъ урядомъ, и недоходя, Государь, города верстъ за 20-ть послалъ передомъ своего полку ротмистра Станислава Денисовича съ его ротою; и Керенска, Государь, города всякихъ чиновъ люди слышавъ отъ своей братьи про шляхецкіе жестокіе напуски, ужаснулись большою ужастью, и вышедъ на встрѣчу били челомъ тебѣ Великому Государю и вины свои приносили, и ему Станиславу городъ съ нарядомъ и ключи отдали; полковникъ, Государь, Денисъ Швыйковскій съ шляхтою въ городъ Керенскъ и въ слободы вошли напередъ всѣхъ людей".

Вслѣдъ за отрядами полковника Швейковскаго и ротмистра Станислава Денисовича подошелъ къ Керенску и Воевода Хитрово съ своимъ отрядомъ,—причемъ „Керенска города всякихъ чиновъ люди, увидѣвъ приходъ Государевыхъ ратныхъ людей, убоялись и срѣтили воеводу съ образы и били челомъ и вины свои принесли и отъ прелести обратились на истинный путь". Это случилось 14 декабря. Въ тотъ же день Хитрово, вмѣсто убитаго мятежниками Безобразова велѣлъ быть воеводой въ Керенскѣ Димитрію Харламову Соймонову, послѣ чего Керенскіе жители были приведены къ присягѣ „христіане къ вѣрѣ, а татары и мордва къ шерти"; вмѣстѣ съ тѣмъ „учинена" была также и опись всего казеннаго имущества, а съ отпискою и книгами былъ отправленъ поручикъ Иванъ Лукъяновъ сынъ Шеликязевъ и велѣно ему подать отписку и книги въ Москвѣ, въ приказѣ Казанскаго дворца боярину Князю Якову Никитичу Одоевскому, да думному дворянину Ларіону Димитріевичу Лопухину.

19-го декабря изъ Керенска въ Москву отправлено было тѣло, убитаго мятежниками, воеводы Керенскаго Автамона Семеновича Безобразова и сопровождалъ его поручикъ Леонтій Моисеевъ сынъ Самкинъ.

IV.

Такъ закончился разинскій бунтъ въ Керенскѣ и къ этому же времени онъ закончился должно быть и въ другихъ мѣстахъ, потому, что отъ 18 декабря князь Юрій Долгорукій доноситъ царю Алексѣю Михайловичу: „Велѣно мнѣ холопу твоему посылать Твоихъ Великаго Государя ратныхъ людей на Инсару и въ Верхній и Нижній Ломовы и въ Керенскъ и надъ воровскими людьми промыш-

лять. И до сего Твоего Великаго Государя указа, по моей холопа Твоего посылкѣ, тѣхъ городовъ градцкіе жители и уѣздные всякихъ чиновъ люди Тебѣ Великому Государю въ винахъ своихъ добили челомъ".

Объ участи атамана Васьки Федорова, бывшаго, какъ мы видѣли; атамонъ въ Керенскѣ, онъ самъ Васька въ своемъ показаніи разсказываетъ слѣдующее: „въ Керенской де присылали къ нему Троецкаго острогу [1]) жители, чтобы придти къ нимъ на помощь со многими людьми и идти на обозъ боярина и воеводы князя Юрія Алексѣевича Долгорукова съ товарищи **въ Красное**, (д б. въ Красную-Слободу),.... Да тому съ недѣлю прибѣжали къ нему Васькѣ въ Керенской изъ Танбова станичники съ письмомъ Танбовскихъ жителей, а въ письмѣ написано: пришелъ де подъ Танбовъ съ Дону атаманъ Микишка Чертенокъ, (а по другимъ извѣстіямъ Чирокъ) съ казаками съ 4000 человѣкъ, да подъ Танбовъ же идутъ изъ степи Калмыки 9000 человѣкъ, а ему де Васькѣ пишутъ, чтобы онъ собрався въ Керенску, шелъ къ Танбову".

Однако Васька къ Тамбову не пошелъ, предпочитая, почему-то, идти на помощь жителямъ Троицкаго острога... „И онъ де Васька", такъ продолжаетъ онъ свое показаніе, „изъ Керенска съ Керенскими жителями подъ Троицкій острогъ приходилъ. И такъ подъ Троицкій острогъ пришли Государевы ратные люди и ихъ побили и они де побѣжали всѣ въ рознь, а онъ Васька съ товарищи, съ Донскими казаками побѣжалъ къ Инсарѣ, и на Инсарѣ ихъ переимали обманомъ и посадили въ тюрьму".

Въ дополненіе ко всему сказанному нельзя неупомянуть о документѣ временъ двоецарствія; который имѣетъ прямое

---

1) Троицкій острогъ—нынѣ заштатный городъ **Троицкъ** Краснослободскаго уѣзда.

отношеніе къ Разинскому бунту. Документъ этотъ хранится нынѣ въ Керенской публичной библіотекѣ и есть ничто иное, какъ рукопись—длинный свитокъ (12 арш. длины), заключающій въ себѣ владѣльный указъ на имя головы Московскихъ Стрѣльцовъ Ермогена Григорьева Вишнякова, на пожалованное ему „за кровь и раны" помѣстье с. Лунданъ Керенскаго уѣзда.

Село Лунданъ, какъ видно изъ документа, принадлежало „пожиточному человѣку" татарину Асайкѣ (Асаикѣ) Бекбулатову Кекчурину (Карачурину), владѣвшему, кромѣ Лундана еще (бортными ухожьями въ Керенскомъ уѣздѣ, и Акбердяевымъ, да Кулаевскимъ выселкомъ въ Кадомскомъ уѣздѣ" До Разинскаго бунта Асайка былъ на службѣ въ полку боярина и воеводы князя Юрія Никитича Барятинскаго съ товарищи. По отпускѣ изъ полка возвратился онъ домой, въ Лунданъ, и пробылъ здѣсь съ полгода, но послѣ этого изъ той своей деревни Лундана поѣхалъ въ Москву и на дорогѣ пропалъ безвѣстно. У Асайки остались въ Лунданѣ жена и сынъ „въ малыхъ лѣтахъ", а два его родные брата находились въ службѣ. Въ „бунтовое Стенькино время" малолѣтняго Карачурина взялъ Матвѣй Михайловъ Вешняковъ и „крестилъ хотя за сына своего роднаго мѣсто; и окрестя держалъ его во всякой неволѣ, а помѣстьемъ отца его Асайки завладѣлъ въ Керенскомъ уѣздѣ въ той деревнѣ Лунданѣ и построилъ въ ней церковь св. Сергія". Когда же Стенька Разинъ былъ взятъ и привесенъ въ Москву, „въ то число говорилъ съ пытки въ измѣнахъ и съ товариществѣ на Кадомскаго татарина на Асайку Карачурина",—ѣздившаго отъ него Разина въ Казань, „съ воровскимъ письмомъ къ посадскимъ, бусурманскимъ начальнымъ людямъ и Казанскимъ миродержцамъ", уговаривать ихъ принять участіе въ бунтѣ. „А для сыску

его Карачурина, по рѣчамъ Стеньки Разина посланъ съ Москвы въ Кадомъ и Керенскъ и иные низовые города съ приказа Казанскаго дворца сыщикъ Алексѣй Лужинъ; и онъ, воръ Асайка, узнавъ свою вину скрылся и по нынѣ пропадаетъ безвѣстно". Помѣстье же Асайкововъ с. Лундань было отписано за ту его вину и дано Ермогену Вешнякову „за многія его службы и заслуженные его кормовые деньги, за кровь и за раны".

И такъ, „бунтовое Стенькино время" миновало, но для Керенска не совсѣмъ еще миновали тревоги, навѣянныя этимъ смутнымъ временемъ. Правда, что разбойничьи шайки разсѣяны, законная власть всюду вступила въ свои права и вмѣсто смуты началъ уже водворяться нѣкоторый порядокъ,—но Керенцамъ, и вообще всѣмъ, принимавшимъ участіе въ бунтѣ, съ возстановленіемъ законной власти нельзя было неожидать праведнаго воздаянія за свою „измѣну" и, въ виду этого, нельзя было неужасаться „большою ужастью",—за свою участь. Эти ожиданія суда и расправы дѣйствительно оправдались, потому что въ томъ же году, покрайней мѣрѣ въ Тамбовскій уѣздъ, пріѣзжала изъ Москвы коммиссія „для переписи служилыхъ и жилецкихъ всякихъ чиновъ людей, также пашенныхъ крестьянъ съ женами и дѣтьми, которые въ измѣнѣ небыли и которые были" [1]). Весьма вѣроятно, что эта, или другая подобная, коммиссія неминовала и Керенска, хотя на это документальныхъ указаній у насъ и нѣтъ исключая впрочемъ краткаго извѣстія о посылкѣ милостивыхъ грамотъ въ Кадомъ, Темниковъ, Керенскъ, Верхній и Нижній Ломовы и друг. мѣста [2]), что заставляетъ предполагать о предварительной разборкѣ виновныхъ и невиновныхъ. Въ слѣдующіе затѣмъ годы и

1) Дубасовъ: „историч. записки о Тамбовск. краѣ.
2) Поповъ: „матер. для истор. Разинск. бунта".

въ особенности въ продолженіи почти всего немного-лѣтняго царствованія Θеодора Алексѣевича (1676—1682) Керенскій край неминуемо долженъ былъ находиться въ безпрерывной тревогѣ отъ появленія вблизи его границъ, а можетъ быть даже и въ виду самого города Калмыковъ, Ногайцевъ и татаръ, которые съ 1674 года и по 1680 годъ, до 150 разъ, нападали на уѣзды Тамбовскій, Шацкій, Усманскій и Козловскій. [1]).

V.

Но не одними лишь смутами, да набѣгами отмѣчены первые годы существованія г. Керенска; недалѣе какъ въ предпослѣдній годъ царствованія Θеодора Алексѣевича въ г. Керенскѣ свершилось событіе [2]), послужившее какъ бы утѣшеніемъ въ перенесенныхъ городомъ „бѣдахъ и напастяхъ“.

29 іюня 1681 года, „въ ночи“, къ Керенскому воеводѣ Якову Θедоровичу Пыхачеву пришли: Богоявленская „просвирница Натальица“ Васильева, да вдова „Авдотка“ Степанова и „вещали словесно“, что подъ заповѣднымъ лѣсомъ, на ключу, гдѣ стоитъ кабацкая винокурня „объявился имъ образъ Богородицинъ, и стоитъ де тотъ образъ—подъ березой на отрубѣ“, и что видѣли его вмѣстѣ съ ними еще старица Прасковья, да Нижнеломовскаго дѣвичьяго монастыря старица Θедора, да Керенскія вдовы Василиска Евдокимова, Анютка Яковлева, да дѣвка Анютка Ефимова. Всю ночь мо-

1) Дубасовъ: „историч. зап о Тамбовск. краѣ“.

2) Разсказъ объ этомъ событіи носитъ нѣсколько легендарный характеръ, а потому нельзя ручаться за совершенную его достовѣрность въ часностяхъ хотя онъ и заимствованъ нами изъ одной старинной рукописи, хранящейся въ Керенскомъ женскомъ монастырѣ.

лились они „подъ березой“, и вотъ во время молитвы старица Прасковья ударилась объ землю и стала говорить имъ: „смотрите, стоитъ де образъ богородицинъ“; они взглянули и точно увидѣли образъ, „а откуда де тотъ образъ на томъ мѣстѣ объявился, или кто его, поднеся поставилъ—того де они невидали“.

Воевода, впрочемъ, и раньше уже слышалъ о явленіи образа, и нѣкоторыхъ, изъ вышепоименованныхъ лицъ допрашивалъ объ этомъ; а недавно, по этимъ же слухамъ, даже посылалъ на ключь, къ березы, Керенскаго стрѣльца Ваську Константинова, но никакихъ точныхъ свѣдѣній при этомъ недобился; женщины разсказывали [1]) о какихъ-то „видѣніяхъ и гласахъ“, о самопроизвольномъ „раздраніи портеной ряски“, а стрѣлецъ Васька объявилъ, что кромѣ мѣд-

1) Изъ показаній старицы Прасковьи видно: „Сего 14 числа (іюня 1681) въ ночи явился ей старицѣ Прасковьѣ образъ богородицы, и стоялъ тотъ образъ передъ кельею ея на столѣ, а передъ тѣмъ образомъ теплилась свѣча; и какъ она Прасковья проснулась и отъ того образа былъ гласъ ей:“ послана де отъ Господа Бога была на землю, поѣсть людей, саранча; что де ни есть по полямъ хлѣбъ и, чтобъ де градскіе люди воспокаялись: въ воскресные дни и въ праздники Господни и въ пятки неработали, а въ среду до полудни неработали-жъ бы; и чтобъ де поставили часовню въ Керенску подъ заповѣднымъ лѣсомъ, на ключу, гдѣ стоитъ кабацкая винокурня и, чтобъ де винокурню съ того мѣста снести и, по упрошенію де Пресвятыя Богородицы, буде люди въ тѣ дни впредь отъ работы уймутся и надъ ними де будетъ милость отъ Господа Бога, а буде невспокаются и отъ работы неуймутся, и на нихъ де отъ Господа будетъ гнѣвъ.“ И того-жъ де числа невидимо раздралась на ней старицѣ ряска портеная и попортилась у ней лѣвая рука; да отъ того-жъ образа былъ гласъ: „чтобъ де игумнамъ, да инокамъ портеныхъ рясокъ неносить, а носить бы шерстяные“. (Завѣтъ этотъ и досихъ поръ сохраняется въ Керенскомъ женскомъ монастырѣ). И тотъ образъ отъ нее старицы пошелъ; а какъ пошелъ и отъ того де образа былъ ей гласъ же: „чтобъ де она старица пошла въ міръ и взяла съ собою въ Керенску же вдову казачку Дурасовскую жену Кузнецова Авдотью, да Нижняго города Ломова изъ дѣвича монастыря старицу Ѳедору и собрали-бъ де девичу (?) и построили пелену и ту де пелену приложили они на томъ ключѣ ко образу, который де образъ объявится у того ключа и праздновали-бъ де тому образу послѣ Петрова дня въ пятомъ дню (т. е. 4-го іюля въ этотъ день празднуется Галатской иконы Божіей Матери) и будетъ де тутъ прощаніе и на томъ мѣстѣ отслужить молебенъ.“

наго креста ничего онъ на березѣ ненашелъ. Въ настоящемъ же случаѣ, въ виду новаго и столь настойчиваго свидѣтельства двухъ женщинъ, потребовалось болѣе обстоятельное изслѣдованіе дѣла. Съ этою цѣлью для осмотра новоявленнаго образа былъ посланъ на ключъ приказной избы подъячій Леонтій Протопоповъ, который, дѣйствительно, и нашелъ въ сказанномъ мѣстѣ образъ Богородицы, „а какъ ему имя онъ подлинно невѣдаетъ". Въ виду дальнѣйшаго разслѣдованія—опредѣленіе имени образа, воевода, какъ видно, считалъ весьма необходимымъ, потому что немедленно отправилъ пушкаря Кузьку Китаева въ Кадомскій уѣздъ, въ с. Богданово—вотчину Всемилостиваго Спаса новаго монастыря, къ старцамъ Меркурію, да Сергію съ отпиской, чтобы прислали они въ Керенскъ иконописца Ивана „для подлиннаго опознанія того образа Богородицина, какъ ей во имя." По этой отпискѣ старцы прислали иконописца, но только не Ивана, а Никифора Іоановича, который, разсмотрѣвъ образъ Богородицинъ сказалъ; что онъ „походитъ де подъ знаменіе Богородицы."

Въ то же время когда ѣздили въ Кадомскій уѣздъ за иконописцемъ, пришелъ въ приказную избу „предъ воеводу Поповскій староста Богоявленскій попъ Алексѣй Тимофеевъ" и, взявъ съ собою двухъ стрѣльцовъ, отправился на ключь за образомъ, чтобы перенести его въ Богоявленскую церковь: „для подлинной вѣдомости и розыску, что де впредь отъ того образа Богородицина объявится кому какое исцѣленіе". Розыскъ въ этомъ отношеніи заключался въ томъ, что обоихъ старицъ Керенскую Прасковью и Нижне-Ломовскую Ѳедору, удостоившихся „видѣній" и „гласовъ" о явленномъ образѣ попъ Алексѣй, въ церкви, „развелъ порознь" и затѣмъ, когда послѣ литургіи началъ пѣть передъ образомъ молебенъ, то, примѣчая за старицами увн-

дѣлъ, что старицу Ѳедору „ударило на паперти о помостъ и все де молебное пѣніе ее било, а какъ де молебное пѣніе отошло, ни говорила въ домѣ чего ради“. Послѣ молебна попъ Алексѣй оставилъ образъ въ церкви, а старицъ тѣхъ взялъ къ себѣ въ домъ „подъ началъ.“ [1]) „А отъ того де образа, исцѣленія никому де никакого небыло“; замѣчается при этомъ въ рукописи.

Наконецъ для завершенія розыска воевода Пыхачевъ, трое сутокъ сряду, посылалъ на ключь, къ березѣ, гдѣ явился образъ, три смѣны стрѣльцовъ [2]) (по три человѣка въ каждой) для караула и всѣ они потомъ единогласно заявляли: „у того де ключа, никакого образнаго явленія въ ихъ караулъ необъявилось, и отъ того образа Богородицина исцѣленія никому никакого небыло.“

Неизвѣстно убѣдился-ли воевода Пыхачевъ въ сверхъестественномъ явленіи образа [3])—въ рукописи объ этомъ ничего неупоминается; а также неизвѣстно въ какомъ смыслѣ Поповскій староста Богоявленскій попъ Алексѣй доносилъ о своемъ „розыскѣ“ святѣйшему патріарху Іоакиму, но какъ бы тамъ нибыло, а явленная икона Богоматери, ока-

---

1) Кромѣ того обо всѣхъ вышеупомянутыхъ старицахъ, вдовахъ и другихъ женщинамъ, коимъ объявился образъ Богородицинъ, отобраны поручныя записи слѣдующаго содержанія: „какъ по указу Великаго Государя, по распроснымъ ихъ рѣчамъ въ объявленіи образа Пресвятыя Богородицы спросятъ и насъ поручниковъ ихъ поставить въ Керенску въ приказной избѣ, тогда они Керенской за нашею порукою ни куды не ходютъ и небѣжатъ; а буде какъ ихъ въ Керенску спросютъ, а мы ихъ непоставимъ и на насъ поручниковъ пѣня Великаго Г—ря, а пѣню намъ поручникамъ, что Великій Государь укажетъ.“ Поручную запись писалъ площадной подъячій Петрушка Журавлевъ 1681 года въ іюня 29 день.

2) **1-я смѣна:** Керенскія стрѣльцы: Василій Кувшинниковъ, Михаилъ Сухороновъ и Иванъ Ѳедоровъ; **2-я смѣна:** Ѳедотъ Степановъ съ товарища; **3-я смѣна:** Степанъ Трофимовъ, Андрюшка Антипинъ и Никитка Бухметьевъ.

3) Здѣсь кстати будетъ упомянуть о народномъ обычаѣ: „**пускать иконы на воду**“ т. е. въ рѣки, ручьи, родники и колодцы. Пускаютъ, или старыя иконы, за ветхостью, или же новыя.—**по обѣщанію.**

завшаяся Тихвинскою, и понынѣ чествуется какъ чудотворная. Что же касается того времени, то черезъ два года по обрѣтеніи иконы, т. е. 28 августа 1683 года, на томъ мѣстѣ, гдѣ она явилась, по благословенію святѣйшаго патріарха Іоакима основанъ: „града Керенска Богородицкій Одигитріевъ Тихвинскій дѣвичій монастырь„. По патріаршей грамотѣ, (къ сожалѣнію нынѣ утерянной) монастырю отведено земли подъ церкви по 40 саж. во всѣ стороны и церковнослужителямъ усадебной, огородной и пашенной земли 20 четвертей въ полѣ „а въ двухъ потому-жъ"; сверхъ того: имъ же сѣнныхъ покосовъ на 50 копенъ. Подъ монастырь отведено земли 9½ десятинъ, и сѣнныхъ покосовъ на 1000 копенъ. За тѣмъ въ 1695 году двумя грамотами царей Іоанна и Петра Алексѣевичей января 7 и декабря 11 подъ монастырь отведено: усадебной земли 2 десятины и 100 саженъ; пашни—39½ десят.; луговъ—150 десятинъ, а всего: 192 десятины и 400 саженъ. [1]).

VI

Съ послѣдняго года царствованія Ѳеодора Алексѣевича и до Пугачевскаго бунта, т. е. безъ малаго въ теченіи цѣлаго столѣтія для Керенска наступаетъ затишье, если не считать за тревогу безуспѣшное нападеніе на Тамбовъ въ 1708 году Булавинскихъ шаекъ, да въ 1717 году такой же безуспѣшный набѣгъ на Пензу Кубанскихъ кочевниковъ. Со временъ Петра I безопасность польской украйны обезпечивается проведеніемъ на Ю.-В. новыхъ сторожевыхъ линій, сначала: **Царицинской**, отъ Царицина до р. Дона, и затѣмъ **Моздокской**,—направлявшейся къ рѣкѣ

1) Прошеніе въ Пензенскую духовную консисторію монастырскаго повѣреннаго Гнилосырова въ 1871 году.

Кубани и Азовскому морю. Весьма понятно, что для городовъ, лежавшихъ вблизи старой сторожевой черты 1711 года, съ проведеніемъ новой, настало время изъ порубежныхъ стражниковъ превратиться въ мирныхъ гражданъ; и весьма понятно также, что такой поворотъ не могъ совершиться сразу, а потому для Керенска настало переходное время, время административныхъ преобразованій и перемѣнъ, продолжавшееся все слѣдующее, т. е. XVIII столѣтіе.

Съ самаго начала перемѣны эти состоятъ въ перечисленіи города изъ одной губерніи въ другую и изъ вѣдомства одной епархіи въ вѣдомство другой [1]), при чемъ, конечно, необходится и безъ нѣкоторой путаницы въ особенности по Епархіальному управленію. Такъ, напр. въ 1754 году, когда гор. Керенскъ состоялъ **въ Суздальской** епархіи, Керенскія села Ртищево и Колесовка были приписаны **къ Астраханской**, а Ушенка и Ижмора числилась **въ Рязанской**, между тѣмъ какъ остальные села вмѣстѣ съ городомъ состояли въ Суздальской епархіи.

Въ первые годы царствованія Петра I, годы, отличавшіеся наиболѣе энергическою дѣятельностію преобразователя Россіи, изъ Керенскаго уѣзда требуются „дѣловцы; для строенія новыя черты и слюзовъ“, а также „въ С.-Питербурхъ къ городовому строенію работники“ [2]).

---

1) Въ 1708 г. при раздѣленіи Россіи на 8 губерній Керенскъ приписанъ къ Шатской провинціи Азовской губерніи, а съ 1719 года къ Воронежской. По епархіальному вѣдометву въ первое время своего существованія Керенскъ находится въ вѣдѣніи патріарховъ. Съ 1682 причисляется къ Тамбовской епархіи, а въ 1699 къ Рязанской. Въ 1742 г. опять къ Тамбовской, но такъ какъ епархія эта существовала только на бумагѣ, то Керенскъ вмѣстѣ съ другими городами перешелъ въ вѣдомство конторы Св. Синода въ Москвѣ. Въ 1748 году къ Суздальской епархіи, а въ 1758 снова къ Тамбовской.

2) Да въ указѣ-жъ Велик. Г—ря изъ приказу Казанскаго дворца, за приписью дьяка Макара Полянскаго, ноября 11, декабря 9, до 11 чиселъ написано: Велик.

Въ послѣдующія затѣмъ царствованія, реформы, начатыя преобразователемъ Россіи, нетолько что неостанавливаются его преемниками, но поддерживаются ими и даже развиваются. Такъ, между прочимъ, несовершенство существующихъ „Уложеній“, несовершенство, дававшее широкій просторъ всевозможнымъ злоупотребленіямъ, вызываетъ со стороны Правительства учрежденіе коммиссій съ участіемъ депутатовъ отъ городовъ и сословій, для пересмотра „Уложеній.“ Въ XVIII столѣтіи извѣстны двѣ такихъ коммиссіи одна въ царствованіе Петра II, а другая, такъ называемая, Екатерининская коммиссія 1767 года. Депутатомъ отъ Керенска, въ первую коммиссію былъ отправленъ князь Ларіонъ Сафаровичъ **Кугушевъ**, который отправлялся сначала въ Воронежъ, гдѣ собирались депутаты и затѣмъ въ Москву, гдѣ имѣла свои засѣданія коммиссія. Къ сожалѣнію намъ ничего неизвѣстно, чѣмъ выразилось участіе этого Керенскаго депутата въ сочиненіи Новаго Уложенія, но за то нѣсколько подробнѣе мы знаемъ о другомъ Керенскомъ депутатѣ **ротмистрѣ Гавріилѣ Ломоносовѣ**, участвовавшемъ въ Знаменитой Екатерининской коммиссіи 1767 года, для сочиненія новаго проэкта уложенія.

Г—рь указалъ, по имянному своему Велик. Г—ря указу: Арзамасскаго, Нижегородскаго, **Шацкаго** (Керенскъ былъ приписанъ тогда къ Шатскому уѣзду), Мещерскаго Касимовскаго уѣздовъ, и съ монастырскихъ и съ помѣщичьихъ и всякихъ чиновъ людей, за кѣмъ меньше 100, а дворовъ по переписнымъ книгамъ 186 года, для строенія новыя черты и слюзовъ взять дѣловцевъ съ надлежащими припасы. **Другой указъ:** „Опредѣлить въ С.-Петербургѣ къ городовому строенію работниковъ къ будущей компаніи съ городовъ, посадовъ и уѣздовъ по переписнымъ книгамъ 186 года на двѣ перемѣны по 20.000 человѣкъ. А хлѣба и запасу тѣмъ работнымъ людямъ взять съ собою, чѣмъ мочно въ дорогѣ сытымъ быть, до указнаго мѣста и до Спб., а больше того хлѣбныхъ запасовъ неимать. Дано будетъ хлѣбное жалованье и денегъ по полтинѣ на мѣсяцъ, которые собрать съ тѣхъ дворовъ, изъ которыхъ непошли рабочіе. А въ верхній Ломовъ, на Воронежъ и Елецъ указовъ непослано.“

По словамъ Высочайшаго манифеста цѣль коммиссіи, составленной изъ народныхъ представителей заключалась въ томъ, „дабы Намъ“, говорится въ этомъ манифестѣ, „лучше узнать было можно нужды и чувствительные недостатки Нашего народа“ [1]).

Надо думать, что депутатъ Ломоносовъ пользовался почетною репутацiею между Керенскими жителями, потому, что иначе едва ли онъ, человѣкъ неособенно богатый [2]) и, при томъ, незнатный, былъ бы выбранъ депутатомъ въ столь важную коммиссію, участіе въ которой давало права, выдѣлявшіе личность депутата изъ общаго уровня [3]), Мнѣнія Ломоносова, заявленныя имъ въ Коммиссіи заключались въ томъ, что онъ оправдывалъ Саратовскаго полиціймейстера, бравшаго къ полицейской должности въ городѣ сотскихъ и десятскихъ, а также въ разсужденіи мѣръ къ прекращенію побѣговъ помѣщичьихъ крестьянъ, предлагалъ, такихъ крестьянъ, въ случаѣ отправки ихъ на заработки, снабжать кромѣ видовъ отъ помѣщиковъ, еще и узаконенными паспортами. Кромѣ того, Ломоносовъ поддерживалъ мнѣніе Муромскаго депутата дворянина Чаадаева объ отмѣнѣ 5-го пункта табели о рангахъ, по которому первый оберъ-офицерскій чинъ давалъ право на дворянство.

О дальнѣйшемъ извѣстно, что Ломоносовъ неоставался до конца въ составѣ коммиссіи, а 5 октября 1767, сдавъ свое представительство оберъ-провіантмейстеру Николаю Бутурлину,—уѣхалъ на Дунай въ дѣйствующую армію.

---

1) **Д. Полѣновъ**: „Историческія свѣдѣнія о Екатериненской коммиссіи и пр.“

2) Ломоносову принадлежало въ Керенскомъ уѣздѣ часть **Кармолейки и Таранановки.**

3) Права депутатовъ, между прочимъ заключались въ томъ, что всякій депутатъ несмотря ни накакое преступленіе во всю свою жизнь освобождался отъ смертной казни, пытокъ и тѣлеснаго наказанія. Имѣнія депутатовъ освобождались отъ конфискаціи. Нанесшій оскорбленіе депутату подвергался двойному наказанію.

О внутренней, собственно домашней, жизни края, въ теченіи описаннаго нами времени мы неимѣемъ никакихъ свѣдѣній, исключая лишь того, что въ 1730 году „тщаніемъ прихожанъ“ созидается въ Покровской слободѣ „церковь каменная во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, съ придѣломъ Сусоя великаго,“ и что нѣсколько позже обновляются и другія церкви: Соборная и Богоявленская, къ тому времени уже обветшавшія. Обѣ послѣднія церкви изъ деревянныхъ перестраиваются въ каменныя, „тщаніемъ Керенскаго купца **Алексѣя Тарасовича Мелякова,**“ причемъ Соборная перестраивается въ 1754-году, а Богоявленская въ 1764 году [1]) и только одна Архангельская остается въ своемъ прежнемъ видѣ, хотя быть можетъ тоже временами подновляется и поддерживается. Относительно перестройки Соборной церкви извѣстно, что церковь ставили на зыбкомъ мѣстѣ, для чего потребовалось вбивать сваи и, что иконостасъ этой церкви представляетъ копію съ иконостаса Московскаго Успенскаго собора, по крайней мѣрѣ до его (т. е. иконостаса въ Керенскомъ соборѣ) позднѣйшаго (въ 1881 году) обновленія купцомъ **А. Я Журавлевымъ** [2]), пожертвовавшимъ съ этою цѣлью до **20 тысячъ рублей серебромъ.**

---

1) Въ архивѣ Богоявленской церкви находимъ храмозданную грамоту „выданную въ 1762 году преосвященнымъ Пахоміемъ Епископомъ Тамбовскимъ и Пензенскимъ Керенскому однодворцу Андрею Лукъянову Юрину съ прихожанами, на созиданіе, вмѣсто вѣтхой деревянной, каменной церкви съ таковыми же предѣлами (Казанской Божіей Матери и Харламнія)“ которая однако построена на средства купца А. Т. Мелякова и окончена строеніемъ въ 1764 году.

2) Керенскій уроженецъ потомственный почетный гражданинъ **Аркадій Яковлевичъ Журавлевъ**, ставъ благотворителемъ Керенскаго собора, возобновилъ его, какъ снаружи такъ и внутри, въ его прежнемъ, старинномъ стилѣ, причемъ особое вниманіе обращаетъ на себя превосходная отдѣлка иконостаса. Кромѣ того Арк. Яковл. пожертвовалъ въ соборъ всю церковную утварь и богатую ризницу, а также и плащаницу цѣною въ 1500 р. Пожертвованія благотворителя продолжаются и теперь.

О первомъ храмоздателѣ А. Т. Меляковѣ извѣстно, что онъ былъ родомъ изъ с. Дѣднова [1]) Зарайскаго уѣзда Рязанской губерніи и принадлежалъ къ богатой купеческой фамиліи, прославившейся благотворительностью. Двое изъ Миляковыхъ проживали въ Краснослободскомъ уѣздѣ, гдѣ, какъ и въ сосѣднемъ Темниковскомъ, Меляковымъ принадлежало 4-ре желѣзныхъ завода и 1 фабрика парусная [2]). Почти всѣ церкви Краснослободскіе выстроены на средства Меляковыхъ, Въ Керенскѣ строителемъ церквей былъ третій Меляковъ Алексѣй Тарасовичъ, который кромѣ соборной и Богоявленской въ 1762 году построилъ еще и каменную церковь въ женскомъ монастырѣ.

Спустя два года послѣ освященія этого, созданнаго Меляковымъ храма, въ 1764 году въ силу Высочайше утвержденныхъ духовныхъ штатовъ, Керенскій Тихвинскій дѣвичій монастырь, какъ малолюдный и бѣдный, былъ закрытъ, а церковь его обращена въ приходскую, причемъ приходъ къ ней вмѣстѣ съ причтомъ отведенъ отъ Богоявленской церкви, бывшей до того времени двуштатною.

Что же касается до Мелякова, то онъ, за два года до упраздненія монастыря скончался и погребенъ въ Керенскѣ, подъ соборнымъ храмомъ въ придѣлѣ Св. Николая Чудотворца, гдѣ и донынѣ въ одной изъ оконныхъ амбразуръ можно видѣть чугунную доску съ надписью:

„Въ 1762 году апреля 17 дня въ 3 часа по полуночи преставися рабъ Божи Алексеі Тарасовъ сынъ Милаковъ і погребенъ подъ сеі цкоі всаборноі успенскоі церкви і житіа ево было 45 лѣтъ“.

---

1) Принадлежало извѣстному генералу Измайлову.

2) Въ Керенскѣ у Мелякова, говорятъ, была полотнянная фабрика стоявшая на мѣстѣ нынѣшняго кистернскаго дома.

Обращаясь затѣмъ къ уѣзду мы находимъ, что здѣсь почти на каждомъ шагу встрѣчаются помѣщичьи вотчины, съ живущими во многихъ изъ нихъ владѣльцами, изъ коихъ въ XVIII вѣкѣ своимъ богатствомъ славятся двѣ княжескія фамиліи: **Кугушевыхъ и Гагариныхъ**, владѣвшихъ чуть ли не половиною Керенскаго уѣзда [1]).

Родъ князей Кугушевыхъ на равнѣ съ **Карамышевыми** (Курамша и Бекмай Карамышевы Касимовскіе Мурзы основатели Снохина) и князьями **Тенишевыми**, принадлежитъ къ самымъ стариннымъ дворянскимъ родамъ Керенскаго края. Въ половинѣ XVII вѣка, т. е. почти одновременно съ основаніемъ города былъ уже извѣстенъ **Князь Сафаръ Кугушевъ**, очевидно изъ татаръ. Одинъ изъ сыновей его Ага Мегмедъ-Сафаровъ въ 1682 году принимаетъ христіанство и во св. крещеніи получаетъ имя Василія. Двое другихъ сыновей Сафаровыхъ тоже, впослѣдствіи, приняли христіанство и извѣстны подъ именами: одинъ—Ивана, а другой—Илларіона Сафаровичей. Василій Сафаровичъ, почему-то, получилъ „за крещеніе" званіе стольника и помѣстья [2]) въ Керенскомъ уѣздѣ, а принимая христіанство, далъ обѣщаніе построить храмъ во имя св. Архистратига Михаила въ своей главной вотчинѣ нынѣшнемъ с. Архангельскомъ [3]).

---

1) **Кугушевымъ** принадлежали: с. Архангельское, Снохино, Васильевка, Сосновка, Щербаковка, татарск. Чіушъ, Пимбуръ, Кармалейка и др. **Гагаринымъ**: Знаменское, Кандевка, Колесовка, Марьино, Самариха, Кузелкино, Никольское-Шичкилей и друг.

2) Въ дѣлѣ за 1707 годъ сказано: „Билъ челомъ Вел. Г—рю Князь Василій Сафаровичъ Кугушевъ, служилъ онъ въ Керенскѣ, а въ Москвѣ чинъ пожалованъ за крещеніе, а помѣстный окладъ 800 четвертей, а помѣстья за нимъ въ Керенскомъ уѣздѣ 158 четвертей."

3) Храмъ въ с. Архангельскомъ имѣетъ подземный ходъ соединяющій церковь съ барскимъ домомъ, гдѣ до послѣдняго времени показывали мѣсто откуда начинался этотъ подземный ходъ. Въ самой церкви, кромѣ того, въ стѣнахъ и подъ куполомъ существуютъ тайные ходы (тайники), сообщавшіеся вѣроятно съ подземной галле-

Въ началѣ XVIII вѣка князь Сафаръ Кугушевъ, должно быть, умеръ, а также умеръ и старшій его сынъ Иванъ Сафаровичъ, потому что въ 1711 году, оставшіеся въ живыхъ братья Ларіонъ и Василій Сафаровичи раздѣлились [1]), причемъ „большому“ брату князю Ларіону досталось с. Архангельское, Василію Сафаровичу село Васильевка; а вдовѣ „большаго“ брата Ивана д. Снохино, получившее съ тѣхъ поръ это названіе потому, что принадлежало братниной женѣ, т. е. **снохѣ**. Далѣе мы видимъ, что князь Ларіонъ Сафаровичъ увеличиваетъ свои вотчины, или покупкою новыхъ, то у брата своего Василія Сафаровича, то у постороннихъ лицъ, или же выгодною женитьбою. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что онъ былъ женатъ вторымъ бракомъ на вдовѣ **Богдановой** Аграфенѣ Васильевнѣ и она уступила ему „помѣстья своего покойнаго мужа“.

Впослѣдствіи изъ этихъ помѣстьевъ возникла тяжба между кн. Ларіономъ Сафаровичемъ и его пасынкомъ Елисѣемъ Захаровымъ Богдановымъ и возникла, можетъ быть, послѣ того, какъ князь Ларіонъ Сафаровичъ „за старостію“ отпустилъ жену свою, которая и постриглась въ Касимовскомъ монастырѣ подъ именемъ Агаѳіи.

Кромѣ помѣстьевъ Ларіонъ Сафаровичъ скупалъ также и людей, цѣна на коихъ, въ тѣ времена какъ видно, была не особенно высокая, потому, что напр. Ларіонъ Сафаровичъ купилъ у Маматказина **дворовую дѣвку за два рубля ассигн**.

Слѣдующія затѣмъ извѣстія о князѣ Ларіонѣ Сафаровичѣ не простираются далѣе 1730 года, которымъ помѣчены

реей. Подземный ходъ и тайники были необходимы въ то смутное время для спасенія жизни и цѣннаго имущества.

1) Существуетъ раздѣльная грамота князей Кугушевыхъ Ларіона и Василія Сафаровичей.

Указъ князю Ларіону Кугушеву и доношеніе сего послѣдняго о спорной землѣ и убійствѣ 16-ти человѣкъ, учиненномъ Ясашными крестьянами Керенскаго уѣзда, а нынѣ Чембарскаго, сс. Кевды и Невѣжкина.

По смерти князя Ларіона Сафаровича болѣе замѣтнымъ представителемъ фамиліи Кугушевыхъ является родной сынъ его Михаилъ Ларіоновичъ.

О немъ извѣстно, что въ 1734 году, въ царствованіе Анны Іоанновны онъ состоялъ на службѣ „фурьеромъ" и получилъ патентъ на чинъ „Ладмилиціи" прапорщика, подписанный фельдмаршаломъ Минихомъ.

Черезъ четыре года князь Михаилъ Ларіоновичъ въ чинѣ уже поручека былъ опредѣленъ „къ подушному сбору въ Шатской провинціи", а въ 1744 г., въ чинѣ капитана уволенъ въ отставку.

Дочь Михаила Ларіоновича Агафья Михаиловна вышла замужъ за Дубенскаго и отъ этого брака родилась, извѣстная, впослѣдствіи, въ Керенскомъ краѣ Елизавета Алексѣевна, внучка Михаила Ларіоновича Кугушева.

Для характеристики описываемаго нами времени можно еще добавить, что съ легкой руки кн. Ларіона Сафаровича, какъ сами Кугушевы, такъ и наслѣдники ихъ, а равно нѣкоторые и изъ другихъ Керенскихъ помѣщиковъ находилися почти въ безпрерывной враждѣ съ сосѣдними крестьянами и въ особенности съ Гагаринскими, отличавшимися, какъ видно, буйнымъ характеромъ и хищническими наклонностями. Эта вражда доходитъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, до формальныхъ битвъ „съ огненнымъ и ручнымъ оружіемъ", причемъ оказываются раненые и даже убитые. Подобныхъ хищническихъ посягательствъ и вооруженныхъ столкновеній, кромѣ упомянутаго нами выше и случившагося въ 1723 г., —съ 1740 и до 1784 года насчитывается цѣлыхъ семь.

Такъ, въ 1740 г. Гагаринскими крестьянами покошено сѣно въ дачахъ Александра Львовича Нарышкина, а въ 1758 году, тѣже крестьяне, числомъ до 2000 человѣкъ, свезли сѣно съ дачъ статскаго совѣтника Алексѣя Степановича Всеволожскаго.

Въ 1761 году крестьяне с. Коповки **съ огненнымъ и ручнымъ оружіемъ** нападали на крестьянъ с. Архангельскаго, на что, въ свое время, подавалъ челобитную тогдашній владѣлецъ с. Архангельскаго Дубенскій Подъ 1767 мъ годомъ значится, возникшее тогда дѣло о порубкѣ лѣса (неизвѣстно только у кого) и **убійствѣ крестьянина**, крестьянами кн. Гагарина.

Въ 1783 году Гагаринскіе крестьяне подъ предводительствомъ бурмистра **Молодцова** побили крестьянъ с. Сосновки и послѣ того, въ томъ же году, перегнали табунъ изъ за р. Ноксазги въ свою вотчину.

Въ слѣдующемъ 1784 году эти же самые крестьяне, въ свою очередь, были побиты Сосновскими крестьянами па сѣнныхъ покосахъ р. Ноксазги.

По поводу этихъ двухъ побоищъ возникало тяжебное дѣло между владѣтельницей Сосновки Елизаветой Алексѣевной **Ронцовой** и княземъ Гагаринымъ; продолжалась эта тяжба болѣе 20 лѣтъ и наконецъ въ 1806 году по рѣшенію общаго собранія сената окончилась въ пользу наслѣдниковъ Гагаринскихъ вотчинъ графовъ Віельгорскихъ, получившихъ за убитыхъ въ бояхъ 16 человѣкъ своихъ крестьянъ, столько же человѣкъ изъ д. Сосновки отъ Е. А. Ронцовой.

VII.

Семидесятые годы блестящаго царствованія Екатерины II ознаменовались бѣдствіями, безпрерывно смѣнявшими одно

другое. Неговоря уже о рекрутскихъ наборахъ, производившихся по случаю войны съ Турціей, и польскими конфедератами, частые пожары во многихъ мѣстахъ государства, и повальные болѣзни, какъ напр. Московская чума 1771 года, не могли неотзываться гибелью на народномъ благосостояніи. Эта тягота народная дополнялась, къ тому же, еще и деморализаціей проникавшей всѣ слои тогдашняго общественнаго строя, деморализаціей, приводившей въ ужасъ современниковъ и быть можетъ, подготовившей для Россіи еще новыя бѣдствія, и болѣе тяжкіе, чѣмъ тѣ, которые имъ предшествовали.

Вотъ какъ описываетъ нравственное состояніе тогдашняго общества преподобный Тихонъ Задонскій, тогда Епископъ Воронежскій и Елецкій, въ своемъ словѣ „о покаяніи.“

„Какъ посмотримъ на дѣла наша, то увидимъ великій стыдъ нашъ и великую предъ Богомъ неправду: клятву, учиненную предъ Богомъ и Его Св. Евангеліемъ, нарушить за штуку ставится у насъ; судебныя мѣста, гдѣ судъ Божій отправляется,—торжищемъ и куплею сдѣлались; правда и правосудіе съ престола своего низринуты, и вмѣсто того маммона сѣдитъ и голосъ свой издаетъ. Къ суду безъ денегъ не ходи: ничего не сыщешь. Помѣщику съ единаго крестьянина взять 5-ть или 6-ть рублей въ годъ, въ Украйнѣ [1]), гдѣ хлѣбъ дешевъ, а деньги дороги, за ничто почитается; за малое почитается три дни въ седьмицу на помѣщика выработать, кромѣ другихъ работъ; съ нихъ же подушное берется. Великая неправда и самолюбіе! Такими оброками и работами обремененнымъ, откуда себѣ сыскать потребная?.. Какъ сіи отъ помѣщиковъ, другіе отъ судей

1) Г. Керенскъ въ 70 годахъ принадлежа къ Воронежской губерніи считался находящимся въ Украйнѣ.

неправедныхъ и мздою развращенныхъ стонутъ, и стенанія ихъ во ушіи Божіи входятъ. Подобная неправда въ купечествѣ, крестьянствѣ и всякомъ чину. За малое или за ничто поставляется обмануть, прельстить или чужое добро похитить, ложе ближняго осквернить. Злобу совершать и отомщевать, словомъ уязвить и клеветою, ближняго очернить или погубить—вотъ наши дѣла, вотъ наше христіянство!"

Немало изъ этихъ бѣдствій выпало и на долю Керенскаго края, но главное изъ нихъ „Пугачевщина", разразилась вскорѣ послѣ того, какъ по распоряженію правительства, изъ разныхъ городовъ, а въ томъ числѣ и изъ Керенска, набирались плотники и землекопы „для фортификаціонныхъ работъ въ разныхъ мѣстахъ," какъ сказано въ „Инструкціи" изъ Керенской воеводской канцеляріи [1]).

Сигналомъ къ Пугачевщинѣ было неудавшееся возмущеніе Яицкихъ (Уральскихъ) казаковъ, по усмиреніи котораго въ концѣ 1773 года въ окрестностяхъ Яицкаго городка вдругъ объявился никому невѣдомый человѣкъ, называвшій себя именемъ покойнаго Императора Петра III.

И вотъ только стоило этому темному человѣку, оказавшемуся впослѣдствіи бѣглымъ донскимъ казакомъ Емельяномъ Пугачевымъ, пообѣщать народу „свое царское жалованье", пообѣщать отмѣну существующаго порядка, чтобы въ какіе нибудь два, три мѣсяца собрать около себя громадную массу приверженцевъ и осаждать Оренбургъ, а затѣмъ и Казань, угрожая самой Москвѣ своимъ нашествіемъ.... Впрочемъ подъ Казанью счастье измѣнило самозванцу; здѣсь его огромныя полчища были разсѣяны Михельсо-

1) 1773 года инструкція изъ Керенской воеводской канцеляріи о нарядѣ съ города и уѣзда 25 человѣкъ съ топорами и 48 съ желѣзными лопатами, для фортификаціонныхъ работъ въ разныхъ мѣстахъ. Подъ этою инструкціей подписи: Воевода Алексѣй Суравцевъ и воеводскій товарищъ Иванъ Перековъ.

номъ, а самъ онъ только съ 500 человѣкъ отборнаго войска кинулся было въ обратный путь, но затѣмъ почему то измѣнилъ свое намѣреніе и устремившись къ Волгѣ, вдругъ, около Кокшайскаго перевоза, переправился на правую ея сторону.

Здѣсь какъ будто этого только и ждали: вся западная сторона Волги возстала и передалась самозванцу; опять около него собрались громадныя полчища и состояли эти полчища исключительно почти изъ помѣщичьихъ крестьянъ. Ограбивъ Цивильскъ, Пугачевъ раздѣлилъ свою шайку на двѣ половины, изъ коихъ одну послалъ по Нижегородской дорогѣ, а другую направилъ на Алатырь. Кромѣ этихъ двухъ главныхъ отрядовъ,—мелкія шайки разбрелись по сторонамъ и мятежъ началъ распространяться изъ одной деревни въ другую; довольно было появленія двухъ, трехъ злодѣевъ, чтобы взбунтовать цѣлыя области, потому, что Пугачевъ всюду объявлялъ народу уничтоженіе крѣпостнаго права, истребленіе дворянскаго рода, отмѣну податей и безплатную раздачу соли. Начались убійства, грабежи и пожары; дворяне и помѣщики спасались бѣгствомъ: богатые въ столицы и чужіе края, а бѣдные или неуспѣвшіе уѣхать—переодѣвались въ крестьянское платье и прятались въ лѣсахъ, оврагахъ, овинахъ и погребахъ; но и тутъ, большею частію, были находимы своими же крестьянами и, приведенные къ атаманамъ шаекъ немедленно погибали на висѣлицѣ, какъ напр. въ Саранскѣ, гдѣ Пугачевъ повѣсилъ 300 человѣкъ дворянъ, не щадя ни пола и ни возраста. Немало погибло въ мукахъ также и духовенства, чиновниковъ и купцовъ, словомъ: гибли всѣ, кто почему либо нелюбъ былъ народу, кто имѣлъ съ кѣмъ либо какіе счеты или явно уличалъ злодѣевъ въ ихъ преступленіяхъ. Настала „великая скорбь,“ ужасъ объялъ все государство такъ, что сама да-

же Императрица намѣревалась было предводительствовать войсками посланными на усмиреніе страшнаго мятежа, который въ какихъ нибудь девять мѣсяцевъ охватилъ почти всю восточную половину Россіи, по выраженію Пушкина: „отъ Сибири и до Москвы, отъ Кубани и до Муромскихъ лѣсовъ“.

Въ іюлѣ или августѣ мѣсяцѣ, (извѣстія объ этомъ разнорѣчивы), 1774 года,—одна изъ Пугачевскихъ шаекъ добралась и до г. Керенска [1]).

Недоходя 25-ти верстъ до города, въ д. **Сорокиной**, [2]), лежащей на большой дорогѣ, встрѣтилъ мятежниковъ тамошній помѣщикъ **Петръ Баскаковъ**, и, вѣроятно, чтобы спасти свою жизнь, пригласилъ всю шайку къ себѣ въ домъ и пировалъ съ нею; причемъ во время пира гремѣла даже музыка. Затѣмъ, когда мятежники послѣ обильнаго угощенія въ домѣ Баскакова двинулись дальше, то, по заранѣе отданному приказу, ихъ ожидала другая торжественная встрѣча **около с. Маркина** [3]). На большой дорогѣ стояла цѣлая толпа Маркинскихъ крестьянъ, впереди находилось

---

1) По однимъ извѣстіямъ шайка пришла въ Керенскъ изъ Троицка, слѣдовательно по Наровчатской дорогѣ, а по мѣстному преданію изъ г. Верхняго Ломова, причемъ относительно имени атамана шайки, извѣстія также несходятся. Такъ. Пушкинъ (истор. Пугачевск. бунт.) называетъ атаманомъ „бѣглаго холопа Евсигнѣева“, а въ статьѣ Русскаго Вѣстника за май 1869 г. сказано, что атаманами шайки, снаряженной изъ Троицка были крестьяне: села Сучкина **Спиридонъ Давыдовъ** и г. Инсара **Петръ Евсѣевъ**, который м. б. и есть „Евсигнѣевъ“ исторіи Пушкина.

2) Сельцо Понышево **Сорокино** тожъ, Петра Петрова сына, Анны Іевлевой дочери, Александръ Петровыхъ—дѣтей **Баскаковыхъ**. Авдотьи Петровой дочери Іевлевой, Михаила Никифорова сына **Татаринова**, и однодворцевъ: Пелагеи Никифоровой **Рѣшетниковой**, Ивана Арефьева **Папышева**, Ефрема Леонтьева **Рѣшетникова**. На правой сторонѣ **вершины** (вершинами называются начала овраговъ. т. е. то мѣсто откуда зачинается оврагъ) **Кудеяровской** два пруда и домъ господскій деревянный.

3) **С. Маркино съ д. Кокуйкой**: Авдотьи Ѳедоровны **Мещериновой**. Ѳедора Васильева **Волженскаго**, Авдотьи Васильевой **Шехмаметевой**, Прасковьи Васильевой **Мазыиной**, Пелагеи Андреевой и Николая и Матвѣя **Максимовыхъ** дѣтей **Хомяковыхъ**.

духовенство въ полномъ облаченіи: священникъ съ крестомъ въ рукахъ, дьяконъ съ дымящимся кадиломъ; виднѣлись образа и развивались хоругви, а изъ села Маркина доносился торжественный звонъ колоколовъ, грянувшій въ ту минуту лишь только съ колокольни замѣтили толпу мятежниковъ на дорогѣ. Лихо подскакалъ къ Маркинцам хмѣльной атаманъ Пугачевской шайки, и замѣтивъ духовенство со св. иконами сошелъ съ коня, приложился къ кресту и иконамъ и затѣмъ вдругъ выхватилъ саблю изъ ноженъ и поднявъ ее надъ головою священника грозно спросилъ: „Кому вѣруешъ?“ „Богу и Великому Государю Петру Θеодоровичу,“ единогласно отвѣтили предстоящіе. Вопросъ и отвѣтъ повторялся три раза послѣ чего атаманъ снова сѣлъ на лошадь и ускакалъ съ своею шайкою, крикнувъ на прощаніи, чтобы его ждали въ Маркино завтра.

Неизвѣстно гдѣ провели ночь Пугачевцы, отправившись дальше, но на другой день, какъ обѣщалъ атаманъ, они снова вернулись въ Маркино и, опустошивъ здѣсь барскій домъ уѣхали въ **д. Кокуйки**, чтобы расправиться съ помѣщикомъ **Максимомъ Хомяковымъ**, на котораго жаловались крестьяне, обвиняя его въ жестокомъ обращеніи съ ними.

Привели Хомякова и стали его вѣшать; но тутъ произошелъ странный случай, не мало удивившій всѣхъ присутствующихъ: три раза обрывались возжи, на которыхъ вѣшали помѣщика и когда за третьимъ разомъ, обезумѣвшій отъ страха, Хомяковъ крикнулъ: „Милуетъ Богъ и Великій Государь Петръ Θедоровичъ!,“ то атаманъ шайки объявилъ было ему помилованіе, но крестьяне, несмотря ни на что, настояли таки на повѣшеніи своего помѣщика и принесли четвертые возжи, которые уже не оборвались на этотъ разъ....

Послѣ расправы надъ Хомяковымъ шайка двинулась наконецъ на Керенскъ. Въ Керенскѣ, въ то время, еще существовала крѣпость, имѣлись пушки и гарнизонъ, состоявшій изъ штатной и уѣздной команды; кромѣ того вѣсть о приближеніи Пугачевцевъ собрала въ городъ дворянъ изъ уѣзда съ ихъ предводителемъ секундъ-маіоромъ **княземъ Иваномъ Афанасьевичемъ Енгалычевымъ** и заставила перебраться сюда же тѣхъ изъ жителей подгородныхъ слободъ, которые почему либо неожидали себѣ и своему имуществу пощады отъ злодѣевъ.

Такимъ образомъ въ городѣ собралось не мало людей, готовыхъ защищаться, вслѣдствіе чего воеводскій товарищъ **Иванъ Персковъ**, правившій городомъ за отсутствіемъ воеводы, вмѣстѣ съ Секретаремъ и канцелярскими служителями,—рѣшилъ отстаивать городъ до послѣдней возможности, тѣмъ болѣе, что со дня на день, можно было ожидать выручки отъ войскъ **графа Панина**, посланныхъ на усмиреніе мятежа.

Но вотъ въ виду города появились и Пугачевцы, подошедшіе должно быть вечеромъ, такъ какъ въ теченіи дня имъ пришлось быть, то въ селѣ Маркинѣ, то въ дер. Кокуйкахъ, то идти по дорогѣ въ Керенскъ. Богоявленская слобода [1]), какъ ничѣмъ незащищенная и лежащая на пути, была тотчасъ же занята мятежниками, а также и Архангельская слобода, находившаяся по другую сторону р. Керенки. При выѣздѣ изъ города на Спасской дорогѣ мятежники поставили, первымъ дѣломъ, висѣлицу, съ цѣлью, можетъ быть, устрашить этимъ засѣвшихъ въ крѣпости жи-

---

1) Разсказываютъ, что будтобы священникъ Богоявленской церкви **Леонтій Ивановъ**, встрѣтилъ пугачевцевъ съ почестями, но имѣя въ виду, что этотъ священникъ священнодѣйствовалъ до самой смерти своей въ 1789 году, можно сомнѣваться въ упомянутомъ разсказѣ.

телей и такимъ образомъ отнять у нихъ всякую охоту защищаться.

Неизвѣстно затѣмъ въ ту ли самую ночь, какъ пришли, мятежники пытались они овладѣть городомъ, или же дождались наступленія слѣдующаго дня но только мы знаемъ, что всѣ три приступа ихъ къ городу, „храбро и единодушно“ были отражены жителями несмотря даже на пожаръ, вспыхнувшій было во время одного изъ этихъ нападеній.

Такимъ образомъ благодаря мужеству городскихъ жителей, гарнизона и дворянъ, городъ былъ спасенъ отъ разоренія, причемъ сохранилось даже все казенное имущество и соль. Вскорѣ прибылъ въ Керенскъ графъ Петръ Ивановичъ Панинъ и поселился здѣсь на нѣкоторое время.

Изъ Керенска Панинъ разсылалъ возванія къ народу, обѣщая прощеніе тѣмъ, кто добровольно явится съ повинною, доказывалъ обманъ самозванца и предлагалъ большую награду за поимку его и доставку живымъ или мертвымъ. Въ тоже время Панинъ занялся обезпеченіемъ пароднаго продовольствія такъ какъ въ этомъ году, во многихъ мѣстахъ, былъ неурожай и во многихъ мѣстахъ также поля или небыли засѣяны хлѣбомъ или же посѣянный хлѣбъ истребленъ былъ еще незрѣлымъ. Была установлена, между прочимъ, такса на жизненные припасы, причемъ цѣны на правой сторонѣ Волги были значительно выше, чѣмъ на лѣвой [1]).

25 августа того же года, подъ Царицинымъ, Пугачевъ былъ окончательно разбитъ Михельсономъ и шайки его

---

1) Лефортъ: „Истор. царствов. Екатер. II.“ На правой сторонѣ Волги: мука ржаная 2 р. 70 к. ассигнаціями; крупа—3 р. 50 к., овесъ—1 р. 80 к. На лѣвой сторонѣ: мука ржаная 1 р. 80 к. ассигн.; крупа—3 р., овесъ—80 к., сѣно на обѣихъ сторонахъ не выше 6 к. ассигн. за пудъ.

разсѣяны; мятежъ, такимъ образомъ, прекратился, но графъ Панинъ и знаменитый **Суворовъ**, подъ конецъ, вызванный также для истребленія мятежныхъ скопищъ, цѣлый годъ еще затѣмъ оставались въ усмиренныхъ губерніяхъ, искореняя послѣднія отрасли пресѣченнаго бунта.

Въ томъ же 1774 году г. Керенскъ, въ воздаяніе за обнаруженное его жителями мужество и доблесть при отраженіи Пугачевской шайки **былъ удостоенъ Высочайшей грамоты**, [1]) а въ слѣдующемъ 1775 году, послѣ казни Пугачева въ Москвѣ, обнародовано всеобщее прощеніе виновнымъ и повелѣно все это дѣло предать вѣчному забвенію [2]):

Съ окончаніемъ Пугачевщины бѣдствія однако некончились; потому что годъ слѣдующій за пугачевскимъ, былъ неурожайнымъ годомъ. Разсказываютъ, что народъ при недостаткѣ хлѣба питался лебедою и примѣшивалъ къ мукѣ древесные гнилушки, за тѣмъ, когда сталъ поспѣвать новый хлѣбъ, то многіе изнуренные голодомъ, неимѣя болѣе терпѣнія ожидать совершеннаго созрѣванія хлѣба, стали убирать его недозрѣлымъ и такимъ же употреблять въ пищу отчего, во многихъ мѣстахъ, обнаружился „моръ“, истребившій значительную часть народонаселенія уѣзда. Легко можно предоставить себѣ состояніе умовъ тогдашняго населенія: по всей вѣроятности ходили въ народѣ разсказы о рожденіи уродовъ, чаяли близкой кончины міра и т. п., тѣмъ болѣе что въ первые годы по усмиреніи бунта всюду оставались еще страшные слѣды его недавняго существованія: города были разорены и сожженны, селенія опустѣли, богатые обнищали, а бѣдняки вдругъ разбогатели.

---

1) См. въ приложеніяхъ въ концѣ „Очерка.“

2) Военно-энциклопедич. Лексиковъ т. XI издан. 1856 г.

Пугачевщиной и сопутствовавшими ей невзгодами, какъ бы заканчиваются Керенскія бѣдствія послѣднихъ годовъ XVIII вѣка; по крайней мѣрѣ за эти годы мы не находимъ никакихъ иныхъ извѣстій, кромѣ свѣдѣній объ административныхъ перемѣнахъ, коимъ опять подвергается г. Керенскъ. Такъ, въ 1780 году повелѣно было Владимірскому, Тамбовскому и Пензенскому генералъ-губернатору графу Воронцову, на основаніи учрежденія 7 ноября 1755 года объ управленіи губерній, образовать **Пензенское намѣстничество**, составивъ оное изъ 13-ти уѣздовъ, въ числѣ коихъ упоминается и Керенскій. Въ самомъ же г. Керенскѣ въ слѣдующемъ 1781 году января 11-го, было открыто „Новое Управленіе". Открытіе это происходило торжественно; съ вседневнымъ колокольнымъ звономъ; но въ полномъ составѣ управленіе всетаки открыто небыло: неоткрытъ уѣздный судъ за неимѣніемъ, постоянно живущихъ въ городѣ, дворянъ, и неоткрытъ магистратъ, за неимѣніемъ купцовъ. Черезъ 17-ть лѣтъ послѣ открытія Пензенскаго намѣстничества оно въ 1797 году было упразднено и городъ Керенскъ перечисленъ къ Тамбовской губерніи, но потомъ, года черезъ четыре, съ возстановленіемъ Пензенской губерніи, снова присоединенъ къ ней.

Въ дополненіе ко всему сказанному объ XVIII вѣкѣ, приведемъ описаніе города [1]), относящееся, какъ надо думать, къ послѣднимъ годамъ царствованія Екатерины II-й.

Городъ Керенскъ находится на горѣ и по обѣимъ сторонамъ рѣкъ Вада, Керенки и Булычевки. Въ городѣ, съ одной стороны, возвышается ветхая деревянная стѣна съ башнями, а также земляной валъ, съ вырытымъ около него сухимъ рвомъ, опоясывающій городъ съ четырехъ сто-

1) Изъ дѣлъ, находящихся въ губернской чертежной.

ронъ. Внутри огражденнаго валомъ и стѣною пространства имѣются казенныя строенія: городническій домъ, присутственные мѣста, винный магазинъ, два соляныхъ амбара—оба деревянные и Палата уѣзднаго казначейства—каменная.

Въ градской окружной межѣ считается 905 дворовъ, 23553 десятины и 224 саж. земли при 7518 душъ обоего пола жителей. Жители въ городѣ и слободахъ большею частью прежнихъ службъ стрѣльцы и казаки. Казаки состоятъ на положенномъ окладѣ (?), промыслы имѣютъ хлѣбопашество и скотоводство. Купцы и мещане, а равно и пріѣзжающіе изъ городовъ торгъ имѣютъ еженедѣльный по пятницамъ [1]) сукнами, шелковыми, бумажными и другими товарами, также хлѣбомъ и пенькою. Уѣздные же поселяне—деревенскими товарами.

Промышленныхъ заведеній, какъ въ городѣ, такъ и въ уѣздѣ, въ то время должно быть никакихъ несуществовало, потому что упоминается только о существованіи двухъ винокуренныхъ заводовъ въ помѣстьяхъ графа Чернышева **сс. Китѣ** и **Сергіевскомъ Поливановѣ** (Летевѣ), въ первомъ на 50,000 ведеръ, а второмъ на 12,000.

VIII.

Въ началѣ настоящаго XIX вѣка, кромѣ окончательнаго учрежденія Пензенской губерніи въ 1801 году, единственнымъ важнымъ событіемъ въ жизни Керенскаго края можно считать войну 12-го года. Впечатлѣніе, производимое великою народною борьбою, ужасъ паденія Москвы и ожиданіе всевозможныхъ бѣдствій отразилось и на

1) И до сихъ поръ въ Керенскѣ базары бываютъ по **пятницамъ**

Керенскомъ краѣ, гдѣ казалось возможнымъ даже появленіе французовъ въ предѣлахъ Керенскаго уѣзда. Вотъ что записано однимъ изъ Керенскихъ старожиловъ объ этомъ всеобщемъ страхѣ.

„Дворовые люди, у помѣщиковъ, были вооружены ружьями и пиками; крестьяне подъ рукой держали топоры и вилы; днемъ и ночью были учреждены караулы, всѣ были въ страхѣ и опасеніи и прятали свое добро кто гдѣ могъ. При необходимыхъ выѣздахъ старались миновать большія дороги, пробирались, гдѣ можно, лѣсомъ или межами ржаныхъ полей, потому, что рожь въ томъ году была очень рослая. Необошлось и безъ дѣйствительной тревоги. Разъ утромъ, очень раннимъ, когда мы еще спали,—прибѣжали сказать, что французы уже въ Ижморѣ [1]); неразбирая возможности ихъ появленія въ нашихъ мѣстахъ, всѣ засуетились; тревога вышла страшная. Я даже помню, какъ наша старушка—нянька, женщина очень тучная, какъ безумная бѣгала по двору, плакала кричала, падала, вставала и опять падала; а насъ, дѣтей, хотѣли уже наряжать въ крестьянскія платьи, давно приготовленные, и прятать въ рощѣ,—но нарочно посланный въ Ижмору скоро возвратился и всѣхъ успокоилъ, что тамъ были не французы, а проходила большая партія казаковъ, которые, конечно, погуляли и пошумѣли."

Отъ Пензенской губерніи въ этомъ году выставлялись ратники въ ополченіе въ числѣ 9.356 человѣкъ, раздѣленныхъ на четыре полка: одинъ конный или казачій, а три остальные пѣшіе [2]). По разсказу одного изъ ополченцевъ

1) Сс. **Большая** и **Малая Ижморы** Керенскаго уѣзда въ 22 верстахъ отъ г. Керенска.

2) Пензенская губернія принадлежала къ ополченію III-го округа и выставила по 4 человѣка съ сотни, а потомъ еще по 2 человѣка съ сотни. Начальникомъ опол-

12-го года Сосновскаго [1]) крестьянина Димитрія Кузьмина **Полшкова** [2]) 86-ти лѣтняго старика, въ 12 году помѣщики давали ратниковъ по 40 человѣкъ съ тысячи и людей молодыхъ опредѣляли въ конные полки [3]) а болѣе пожилыхъ—въ пѣшіе. Прежде чѣмъ полки выступили въ походъ, они были собраны въ двухъ пунктахъ: пѣшіе—въ Инсарѣ, а конные—въ Пензѣ. Изъ Керенска отправился въ Инсаръ Пѣшій полкъ. Во время пребыванія полковъ въ Инсарѣ случилось потрясающее событіе, наведшее ужасъ на весь Инсаръ. Дѣло произошло такъ: когда былъ объявленъ походъ, то ратники явились на сборный пунктъ не по походному и вдругъ начали требовать себѣ присягу, „чтобы знать," какъ говорили они, „кому ихъ заставляютъ служить: Богу и Великому Государю, или же кому другому." Когда же одинъ изъ полковниковъ, желавшій на первыхъ же порахъ остановить начинающійся безпорядокъ, вздумалъ было наказывать зачинщиковъ, то ратники по крику: „нашихъ бьютъ," толпою бросились на полковника, въ минуту смяли его подъ ноги и подвергли столь жестокимъ побоямъ, что даже проломили голову, остальное же начальство было ими арестовано и заключено подъ стражу въ какомъ-то помѣщичьемъ, нетопленомъ домѣ. Но этимъ дѣло не кончилось; расправившись съ своими офицерами и взамѣнъ ихъ избравъ начальниковъ изъ собственной среды ополченцы, первымъ дѣломъ, начали разбивать кабаки, пьянствовать и на-

---

ченія былъ **генералъ маіоръ Кишенскій;** полковыми начальниками были полковники: **Селунскій, Дмитріевъ** и **Безобразовъ** и подполковники; **Кушнеревъ** и **Войниковъ**.

1) дер. **Сосновка** Керенскаго уѣзда.

2) **Полшковъ** о своей службѣ въ ополченіи разсказывалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Въ настоящее время Полшковъ можетъ быть ужъ и умеръ, покрайней мѣрѣ мы потеряли его изъ виду.

3) Надо полагать, что въ Пензенскомъ ополченіи было болѣе одного казачьяго полка, на что наводитъ какъ разсказъ Полшкова, такъ и другія данныя.

конецъ грабить обывательскіе дома. Объятые ужасомъ жители незнали, что и дѣлать; небыло никакихъ средствъ остановить эту пьяную и озвѣревшую толпу, готовую каждую минуту пустить въ дѣло и оружіе, которое, къ несчастію было подъ руками.

Неизвѣстно чѣмъ бы все это кончилось, если-бы, по чьему-то сообщенію, вскорѣ не прибыли въ Инсаръ, только что сформированные, ополченскіе казачьи полки, отъ которыхъ, впрочемъ, до самаго Инсара тщательно скрывалась цѣль столь внезапнаго и быстраго передвиженія. Съ прибытіемъ полковъ въ Инсаръ, занявшихъ, предварительно, всѣ выходы изъ города, порядокъ былъ, мало по малу возстановленъ: плѣнное начальство освобождено, а виновные въ бунтѣ ратники подвергнуты различнымъ наказаніямъ и нѣкоторые изъ нихъ даже сосланы въ сибирь. Впрочемъ присягу ратникамъ впослѣдствіи всетаки дали, а отказывали въ ней, по объясненію Полшкова, потому, что Государь бралъ у помѣщиковъ людей только на время.

Пензенское ополченіе, а слѣдовательно въ томъ числѣ и Керенцы, совершили походъ до Парижа и учавствовали въ Лейпцигскомъ сраженіи. Подъ Лепцигомъ Пензенскихъ ополченцевъ, за бунтъ въ Инсарѣ, будто бы нарочно посылали въ самые опасные мѣста, но **отовсюду Пензенцы съ честью вынесли свои знамена.** На возвратномъ пути въ Россію, во время стоянки въ Польшѣ Пензенскіе ратники обращались было лично къ Государю съ просьбою оставить ихъ на службѣ, но Государь будто-бы отвѣтилъ имъ на это, что не хочетъ измѣнять своему слову и какъ сказалъ помѣщикамъ, что беретъ у нихъ людей на время, такъ и исполнитъ.

Этимъ заканчивается разсказъ Полшкова о Пензенскомъ ополченіи 12-го года, мы же съ своей стороны доба-

вимъ, что знамена доблестнаго Пензенскаго ополченія отечественной войны и до сихъ поръ хранятся въ Пензенскомъ кафедральномъ соборѣ.

IX.

Послѣ знаменитаго въ отечественной исторіи 1812 года, въ жизни Керенскаго края, въ теченія нѣсколькихъ лѣтъ ни о какихъ выдающихся событіяхъ не слышно; но такъ какъ не смотря на это историческое теченіе жизни ни на минуту неостанавливалось и продолжало тѣмъ или другимъ образомъ, отражаться на человѣческихъ дѣяніяхъ, то не будетъ неумѣстнымъ если мы это отсутствіе событій восполнимъ нѣкоторыми свѣдѣніями о болѣе выдающихся представителяхъ тогдашняго общества, разскажемъ что нибудь о Керенскихъ именитыхъ людяхъ, черты изъ жизни которыхъ послужатъ намъ матеріаломъ для болѣе или менѣе яснаго представленія о жизни Керенскаго края въ первую половину XIX вѣка.

Видное мѣсто между этими именитыми людьми занимаютъ представители фамиліи **Ронцовыхъ**, потому, что двое изъ нихъ, въ эти годы, занимали должность Керенскаго дворянскаго предводительства.

Нѣсколько ранѣе, говоря о фамиліи князей Кугушевыхъ мы замѣтили, что дочь Михаила Ларіоновича вышла замужъ за **Дубенскаго** и что отъ этого брака родилась **Елизавета Алексѣевна**, приходившаяся, слѣдовательно, внучкой Михаилу Ларіоновичу. Впослѣдствіи мы видимъ, что эта самая Елизавета Алексѣевна **Дубенская**,—вступаетъ въ бракъ съ дворяниномъ **Иваномъ Романовичемъ Ронцовымъ**, который можетъ считаться родоначальникомъ фамиліи Ронцовыхъ.

Иванъ Романовичъ родился въ 1755 году и находился въ близкомъ родствѣ съ той знаменитой фамиліей **графовъ Воронцовыхъ**, изъ коей происходили: **Екатерина Романовна Воронцова-Дашкова** и **Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ**. Благодаря такому родству, воспитаніе Иванъ Романовичъ получилъ въ Англіи, въ Оксфордскомъ университетѣ и, по семейному преданію, окончилъ тамъ курсъ, по успѣхамъ, первымъ. По этому же преданію, возвратившись въ Россію онъ вскорѣ долженъ былъ опять ѣхать въ Англію, имѣя на рукахъ какое то таинственное порученіе вслѣдствіе котораго чуть было не сдѣлался жертвою своей отважности. Въ Англіи его предали суду и даже приговорили было къ смертной казнѣ, но онъ спасся тѣмъ; что успѣлъ бѣжать оттуда и долгое время скрывался въ Архангельскѣ, не смѣя показаться въ Петербургѣ. Говорятъ, впрочемъ, что приговоръ Англійскаго суда былъ всетаки приведенъ въ исполненіе, но только не надъ Иваномъ Романовичемъ, а надъ его изображеніемъ....

Послѣ этого, въ 1788 году, Иванъ Романовичъ находился подъ **Очаковымъ**[1]), въ арміи Потемкина, въ должности начальника колонновожатыхъ, (соотвѣтствуетъ нынѣшнему начальнику штаба), и былъ какъ говоритъ преданіе любимцемъ князя Таврическаго. Ко времени пребыванія Ивана Романовича въ дѣйствующей арміи относится легендарный разсказъ о загадочномъ происшествіи, которое случилось съ нимъ въ Яссахъ.

Дѣло было, говорятъ, вечеромъ: Иванъ Романовичъ, лежа въ постѣлѣ читалъ книгу, какъ вдругъ, поднявъ глава, онъ видѣлъ передъ собою величественнаго старика съ бѣлою,

---

1) **Журналъ** компаніи Ивана Романовича Ронцова 2 октября 1788 г. **Подорожная отъ Кременчуга,** до слободы **Губовни, выданная Ахтырскаго легкаго конного полка подполковнику Ронцову въ маѣ** 1789 **года.**

какъ лунь, бородою и строгими чертами лица. Старикъ былъ одѣтъ въ мѣстный національный костюмъ и вмѣсто пояса подпоясанъ веревкой. „Что ты за человѣкъ, и что тебѣ надо?!" спросилъ Ив. Ром незнакомца, чрезмѣрно удивленный его неожиданнымъ появленіемъ. Старикъ на это не отвѣтилъ ни слова, а только подойдя къ столу написалъ на немъ, кускомъ мѣла, римскую цифру XXXVI-ть, и затѣмъ также молча удалился въ сосѣднюю комнату, которую занималъ адъютантъ Ломоносовъ. Адъютантъ въ это время былъ въ этой комнатѣ и также занимался чѣмъ-то —но однако, когда Ив. Роман. разсказалъ ему о старикѣ и спросилъ куда тотъ дѣвался,—выразилъ чрезвычайное удивленіе, потому, что никакого старика онъ невидалъ. Такъ и сгинулъ этотъ таинственный старикъ и если бы не цифра XXXVI-ть, ясно виднѣвшаяся на столѣ, то появленіе старика можно было бы объяснить неиначе какъ сновидѣніемъ.

Въ 1791 году Иванъ Романовичъ скончался, простудившись на похоронахъ Потемкина, и скончался **36-ти** лѣтъ отъ роду, вслѣдствіе чего думаютъ, что цифра 36 написанная на столѣ въ Яссахъ, обозначало число лѣтъ его жизни.

Вдова Ив. Роман., **Елизавета Алексѣевна** урожденная **Дубенская**, по смерти мужа жила въ Петербургѣ для воспитанія троихъ дѣтей своихъ: **Романа, Александра** и **Алексѣя** Ивановичей. Въ домѣ Елизаветы Алексѣевны воспитывался **Д. Н. Блудовъ**, которому она подарила даже и первые серебряные часы; а воспитатемъ Ронцовыхъ и Блудова былъ **Сухозанетъ**, братъ бывшаго военнаго министра.

Семейное преданіе Ронцовыхъ упоминаетъ еще о сестрахъ Ивана Романовича: Дарьѣ и Аннѣ Романовнахъ и, какъ фамильная драгоцѣнность, хранится Ронцовыми собственноручная записка Екатерины II, въ которой, Импе-

ратрица разрѣшаетъ Дарьѣ Романовнѣ свиданіе и переписку съ ея братьями и сестрами. Но, какъ о судьбѣ Дарьи и Анны Романовнъ, такъ и о значеніи упомянутой записки, по преданію ничего неизвѣстно.

Старшій изъ сыновей Елизаветы Алексѣевны **Романъ Ивановичъ** былъ предводителемъ Керенскаго дворянства въ теченіи 15 лѣтъ. т. е. съ 1811—1826 года. Въ 1812-мъ году онъ командовалъ однимъ изъ казачьихъ полковъ Пензенскаго ополченія, ходилъ съ этимъ полкомъ до Парижа и учавствовалъ въ сраженіи подъ Лейпцигомъ. Въ теченіи всей своей жизни Романъ Ивановичъ пользовался большимъ уваженіемъ не только, что въ Керенскѣ, но даже и въ Пензѣ гдѣ, какъ говорятъ, дворянскія собранія неоткрывались до его пріѣзда. Онъ былъ холостъ, но имѣлъ побочныхъ дочерей отъ своей крѣпостной дѣвицы: одна изъ дочерей вышла замужъ за **Некрасова**, а другая за Моршанскаго лѣсничаго **Капринскаго**. Оба зятя получили за ними по 40.000 ассигн.

По смерти Романа Ивановича былъ избранъ предводителемъ въ Керенскѣ родной братъ его **Алексѣй Ивановичъ**, прослужившій въ этой должности **цѣлыхъ 28 лѣтъ**. Онъ былъ другомъ **Фишеро-фонъ-Вальдгейма и Матвѣя Юрьевича Віельгорскаго**; составилъ библіотеку, которая ему стоила до **200.000** р. и которую онъ пріобрѣлъ чрезъ бывшаго Московскаго книгопродавца **Веера**. Библіотека эта принадлежитъ теперь **Николаю Христофоровичу Логвинову** [1]) и находится въ с. Шеинѣ, всѣ книги на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ и кромѣ самого владѣльца (т. е. Алексѣя Ивановича Ронцова) никто этою библіотекою изъ жителей уѣзда не пользовался. Алексѣй Ива-

1) **Н. Х. Логвиновъ** женатъ па внучкѣ Алексѣя Ивановича **Ольгѣ Петровнѣ Ронцовой**, дочери бывшаго предводителемъ дворянства **Петра Алексѣевича Ронцова**.

новичъ былъ женатъ на **Варваръ Александровнѣ Вельяшевой**, родной сестрѣ извѣстнаго, приближеннаго къ Аракчееву **Петра Александровича Вельяшева**. Во время своего предводительства Алексѣй Ивановичъ принималъ въ с. Знаменскомъ (Большой-Буртасъ), покойнаго **Императора Александра II**, когда Онъ наслѣдникомъ путешествовалъ по Россіи въ сопровожденіи **Жуковскаго, Ковелина** и **Бенкендорфа**. Въ Знаменскомъ высокому гостю былъ предложенъ завтракъ и представлялись одна Мещерка и два Мещеряка. Послѣ этой встрѣчи Алексѣй Ивановичъ получилъ орденъ Анны 2-й степени на шею

X.

Не малою извѣстностью, но извѣстностью совершенно другаго рода пользовался въ то время еще и представитель другой дворянской фамиліи нѣкто **И. Н. Никифоровъ** владѣлецъ с. Ртищева. Связь рода Никифоровыхъ съ Керенскимъ уѣздомъ начинается упомянутымъ представителемъ, который былъ градоначальникомъ въ Новохоперскѣ и на этомъ мѣстѣ пріобрѣлъ себѣ большое состояніе; въ это время онъ и купилъ с. Ртищево. Про этого Никифорова разсказываютъ, что онъ скоро возвратилъ деньги, заплаченные имъ за Ртищево, благодаря поборамъ съ крестьянъ, поборамъ отличавшимся нѣкоторою даже замысловатостью.... Такъ, напримѣръ, онъ никогда дома необѣдалъ, а по очередно обѣдалъ у своихъ крестьянъ, во всякій мало мальски праздничный, а тѣмъ болѣе торжественный день каждый крестьянинъ обязанъ былъ являться къ нему съ поздравленіемъ и на поклонъ непремѣнно приносить гуся, котораго напередъ покупалъ у самого же помѣщика и за дорогую цѣну. Кромѣ того г. Никифоровъ набиралъ изъ

своихъ крестьянъ пѣвчихъ обучалъ ихъ и потомъ заставлялъ откупаться на волю. Неизвѣстно какъ онъ подчивалъ своихъ гостей, когда они пріѣзжали къ нему, преданіе объ этомъ таинственно умалчиваетъ, но за то, потому же преданію, извѣстно, что лошадямъ пріѣзжихъ гостей у Ртищевскаго помѣщика овса не жалѣли, сыпали его щедрою рукою,... но только всегда случилось такъ, что пріѣзжіе лошади, почему то, отказывались отъ предлагаемаго угощенія, вслѣдствіе чего, волей неволей, приходилось овесъ опять ссыпать въ хозяйскій закромъ. Подобное чудо, всегда, составлявшее неразрѣшимую загадку для пріѣзжавшихъ въ Ртищево кучеровъ, между тѣмъ, объяснялось весьма просто: г. Никифоровъ имѣлъ „для гостей“ особый закормъ, въ которомъ держалъ пару лисятъ, сообщавшихъ овсу такой противный запахъ который лошади переносить немогли, а потому и неѣли овса.

Въ то же время въ самомъ городѣ Керенскѣ, былъ тоже, въ свою очередь именитый человѣкъ, хотя и не дворянскаго рода, но пользовавшійся почти такимъ же значеніемъ въ городѣ, какое Ром. Иван. и Алекс. Ив. Ронцовы имѣли въ уѣздѣ и губерніи. Этимъ именитымъ человѣкомъ былъ нѣкто **Иванъ Михайловичъ Арясовъ**, званіемъ мѣщанинъ, но занимавшій должность городскаго головы.

Арясовъ былъ уроженцемъ Нижегородской губерніи, родители его принадлежали къ людямъ „древляго благочестія“, а потому когда узнали, что сынъ ихъ, этотъ самый Иванъ Михайловичъ, куритъ „травное быліе и богомерзкое зѣліе“, т. е. по просту табакъ, то лишили его за это наслѣдства, и можетъ быть даже выгнали изъ дому, потому что Ив. Мих., женившись, тоже на Нижегородской уроженкѣ, послѣ свадьбы жилъ отдѣльно отъ своихъ родителей и на женнины приданые деньги (5,000 р. ассигн.) со-

держалъ ямскихъ лошадей. Недолго, впрочемъ, пришлось ему хозяйничать: черезъ годъ онъ уже обанкрутился и поступилъ на службу въ Рязанскую губернію, по откупамъ повѣреннымъ. Служба по откупамъ или, какъ говорилось тогда, „по винной части", должно быть, была истиннымъ призваніемъ Арясова, покрайней мѣрѣ на этой должности развернулись его богатые способности, какъ умнаго, смѣтливаго и слегка плутоватаго коммерсанта, благодаря которымъ Арясовъ вскорѣ сдѣлался управляющимъ винною конторою въ Керенскѣ и нажилъ себѣ состояніе. „Дѣла" его въ Керенскѣ заключались въ томъ, что онъ арендовалъ нѣсколько лѣтъ казенную мельницу, извѣстную и теперь подъ именемъ „Арясовской", скупалъ хлѣбъ на базарахъ и еще кое чѣмъ приторговывалъ. У Арясова въ Керенскѣ было два дома [1]) одинъ изъ нихъ каменный и по словамъ старожиловъ вдвое больше зданія присутственныхъ мѣстъ [2]), отлично отдѣланный и съ фруктовымъ садомъ. Кирпичи для этого дома дѣлались какіе то особенные: всѣ одного вѣсу и объемистѣе обыкновенныхъ, причемъ обжигались такъ, что въ водѣ неразмокали. Дѣлались эти кирпичи въ Керенскѣ на Арясовскихъ кирпичныхъ сараяхъ (за Покровскою церковью) и за работою наблюдалъ самъ Арясовъ, наказывавшій рабочихъ, за неисправность собственноручно—тростью. Да и не къ однимъ только рабочимъ своихъ кирпичныхъ сараевъ относился Арясовъ строго, недавалъ онъ поблажки и городскимъ „разныхъ чиновъ" жителямъ, потому, что поддерживаемый губернаторомъ Лубяновскимъ, который всегда и останавливался въ домѣ Арясова,— Арясовъ правилъ городомъ; какъ городской голова и какъ

1) Гдѣ теперь новый домъ Иконникова (нынѣ Струйскаго) и винный складъ г. Сабаева.

2) Послѣ пожара 1839 года, отъ этого дома остались только одни ворота.

городничій; къ томуже, говорятъ, превеликій былъ онъ мастеръ писать разнаго рода кляузныя бумаги, и ужъ что захочетъ, бывало, сдѣлать, то непремѣнно и сдѣлаетъ: въ рекруты ли кого отдать или городничаго даже смѣнить, всегда ужъ на своемъ поставитъ. Но иногда и онъ самъ подвергался различнымъ невзгодамъ. Былъ онъ, напримѣръ, большимъ пріятелемъ съ полковникомъ, квартировавшаго въ Керенскѣ 12 егерскаго полка **Булатовымъ**, но однажды пріятели выходя изъ трактира, гдѣ они вмѣстѣ играли на билліярдѣ, и должно быть, закусывали,—поссорились, а поссорившись, въ тоже время и подрались, тутъ же, на городской площади, такъ сказать,—всенародно; а такъ какъ Арясовъ оказался сильнѣе Булатова,—то и побилъ его. Послѣ того Булатовъ, желая отмстить своему обидчику, донесъ на Арясова, что тотъ, для устройства плотины, порубилъ казенный лѣсъ на горѣ, противъ своей мельницы. Неизвѣстно чѣмъ кончилось дѣло, но говорятъ, что впослѣдствіи, Арясовъ и Булатовъ по прежнему были пріятелями. Жаловалось на Арясова также и городское общество, что онъ употребилъ на постройку своего дома кирпичъ, заготовленный для гостиннаго двора, и Арясовъ по этой жалобѣ, будто бы сидѣлъ даже въ острогѣ.... Ко времени Арясовскаго „именитства“ относятся: построеніе кладбищенской церкви и возобновленіе подъ видомъ богадѣльни упраздненнаго Тихвинскаго монастыря.

Кладбищенская церковь во имя св. и преп. Захарія и Елисаветы построена, какъ это значится на мѣдной доскѣ, находящейся въ мѣстномъ соборѣ, „попеченіемъ и иждивеніемъ полковника и кавалера Александра Михайловича Булатова въ память достойнѣйшей супруги его **Елизаветы Ивановны**, урожденной **Мельниковой**, скончавшейся 1824 года іюня 23 дня въ 6 часовъ утра на 23-мъ году жиз-

ни". Освящен новый храм „при преосвященном **Амвросіѣ 1-мъ** Епископѣ Пензенскомъ и Саратовскомъ" въ 1825 году іюня 23 дня. Разсказываютъ, что мысль о построеніи храма принадлежитъ преосвященному Амвросію, который, когда былъ приглашенъ на похороны Булатовой, пожертвовалъ на построеніе кладбищенской церкви 1000 руб. предложенные ему за похороны. Впослѣдствіи кладбищенская церковь была нѣсколько распространена г. **Кроншевскимъ**, который также можетъ считаться какъ одинъ изъ благотворителей и „зиждителей храма сего".

XI.

Относительно Тихвинской обители [1]) надо замѣтить что не смотря на ея упраздненіе въ 1764 году общежитіе въ ней не прекращалось, а въ опустѣвшихъ кельяхъ монастырскихъ поселились престарѣлые вдовы и сироты, посвѣтившіе остатки дней своихъ Богу. Это негласное существованіе общежитія продолжалось и въ 20-хъ годахъ настоящаго столѣтія, продолжалось несмотря на разрушавшіеся отъ ветхости келіи и крайнюю нищету живущихъ, принужденныхъ питаться подаяніемъ отъ щедротъ городскихъ жителей, снабжавшихъ иногда молельщицъ мукой, дровами и т. п. Когда же на Пензенскую кафедру былъ назначенъ преосвященный **Ириней** (Несторовичъ), то онъ воспретилъ было жительство около церкви упраздненнаго монастыря, а самыя келіи, какъ очень ветхія велѣлъ даже разрушить; но въ это время въ число келейницъ поступила

1) Мы не имѣемъ въ виду разсказывать полную исторію возобновленія монастыря;—эта исторія, составленная священникомъ Иван. Мих. Земблиновымъ уже напечатана въ Пенз Епар. Вѣд., наша задача—записать нѣсколько фактовъ изъ внутренней жизни монастыря,—фактовъ, характеризующихъ то время.

мать богатаго Керенскаго гражданина **Семена Деева Снѣткова** и архіерейское запрещеніе было отмѣнено,— потому что явились средства нетолько что исправить разрушившіеся ветхія келіи, но и построить новый флигель. Въ то же время въ селѣ Котлѣ существовало также нѣчто въ родѣ общины изъ нѣсколькихъ келейницъ, жившихъ особнякомъ въ келіяхъ, при коихъ находился даже плодовитый садъ. Неизвѣстно когда устроилось въ Котлѣ это общежитіе, но мы знаемъ, что дѣломъ этимъ заправляла Котельская дѣвушка **Анна Васильевна Тамбовцева**, отличавшаяся благочестіемъ и практическимъ смысломъ. И это общежитіе преосвященный Ириней велѣлъ было, по чему-то, уничтожить, а келейницъ обратить въ первобытное состояніе, но потомъ, можетъ быть по ходатайству того же Снѣткова, разрѣшилъ имъ въ полномъ составѣ перейдти въ Керенскъ и поселиться въ исправленныхъ уже келіяхъ упраздненнаго монастыря.

Нехотѣлось Аннѣ Васильевнѣ и сестрамъ покидать насиженнаго мѣста, жаль было покинуть и садъ, насажденный, можетъ быть, собственными руками, и потому долго она не поддавалась уговорамъ, нарочно присланныхъ для этого, чиновниковъ, а можетъ быть и совсѣмъ бы несогласилась, если бы одному изъ присланныхъ, вѣроятно болѣе другихъ нетерпѣливому, непришло на мысль, схвативъ попавшійся на глаза топоръ, начать рубить яблони въ саду... Скорбь-ли о стонавшихъ подъ ударами топора деревьяхъ, или другія какія либо мысли внезапно нахлынувшія въ голову, но только вслѣдъ за этимъ Анна Васильевна вдругъ согласилась на переѣздъ въ Керенскъ, хотя и не безъ горькихъ слезъ, можетъ быть.

Въ Керенскѣ во вновь устроившейся богадѣльнѣ, по общему согласію всѣхъ живущихъ, Аннѣ Васильевнѣ былъ

врученъ главный надзоръ за богадѣльней и всѣ хозяйственные заботы.

Нельзя неотдать полной справедливости уму и практическому смыслу Анны Васильевны, которая взявъ на свои руки дальнѣйшую судьбу богадѣльни,—сразу поняла, что **только одинъ неустанный трудъ, подкрѣпляемый молитвою и благочестною жизнью**, даетъ право на общественное уваженіе и сочувствіе, а въ матеріальномъ отношеніи вполнѣ обезпечиваетъ независимое существованіе. Благодаря такому направленію, въ богадѣльнѣ ни минуты несидятъ безъ дѣла, не покладывая рукъ занимаются разными рукодѣльями, которые за тѣмъ сбываются въ городѣ; мало этого, чтобы еще болѣе расширить кругъ рукодѣльнаго производства. Анна Васильевна отправила нѣсколько сестеръ въ Арзамасскій монастырь учиться ускусствамъ образному и золотошвейному. Съ тѣхъ же поръ, когда общежительство основалось на болѣе или менѣе твердой почвѣ, кромѣ заказовъ на разныя рукодѣлья, съ разныхъ сторонъ, и даже отдаленныхъ, какъ напр. изъ Саратова,—начинаютъ стекаться пожертвованія и деньгами и жизненными припасами, а вмѣстѣ съ тѣмъ стекаются въ богадѣльню и новые ея члены, такъ что богадѣльня превращается мало по малу въ монастырскую общину.

По разсказу священника Тихвинской, упраздненнаго монастыря, церкви отца **Михаила Земблинова**, первоначально, всѣ постройки возникавшей общины состояли только изъ одного флигеля съ мезониномъ, бывшаго на мѣстѣ нынѣшняго больничнаго корпуса, гдѣ нынѣ церковь, и еще небольшой келліи въ воротахъ, въ которой жила **Анна Максимовна Снѣткова** (жена Дея Карповича и мать Семена Деевича Снѣтковыхъ, благотворителей богадѣльни), и только уже впослѣдствіи былъ построенъ Арясовымъ каменный корпусъ.

Къ первымъ годамъ существованія общины относится случай, сообщенный тѣмъ же священникомъ о. Землиновымъ. Самому разсказчику удалось какъ-то уговорить богатаго помѣщика **Павла Ивановича Чубарова**—владѣльца с. Сергіевскаго Поливанова сдѣлать пожертвованіе въ общину; и Чубаровъ, дѣйствительно пожертвовалъ 400 руб. ас., но съ тѣмъ, чтобы въ память его покойнаго отца денно и ночно читали псалтирь; а для удостовѣренія въ этомъ, засылалъ иногда въ общину своихъ людей, пріѣзжавшихъ на базаръ. Въ лѣтнюю же пору, когда сестры расходились по полевымъ работамъ, (они нанимались на сѣнокосъ и жатву къ сосѣднимъ крестьянамъ), и въ общинѣ, кромѣ Анны Максимовны Снѣтковой, жившей въ воротахъ, да самой Анны Васильевны,—зачастую никого небывало, чтеніе псалтыря, на время, должно было прекращаться; на случай же прихода Чубаровскаго посланаго, было внушено Аннѣ Максимовнѣ, чтобы она, какъ только замѣтитъ кого либо идущаго въ монастырь, то тотчасъ бы становилась къ аналою и какъ можно чаще повторяла: „болярина Ивана.“ Анна Максимовна всегда такъ и дѣлала; и вотъ, однажды, въ присутствіи Чубаровскаго посланнаго упала у нее съ аналоя книга, поднявъ которую, она по безграмотности своей и положила ее на аналой верхъ ногами;— правда, что посланный этого не замѣтилъ, да замѣтила Анна Васильевна и послѣ долго тревожилась, успокоившись только тогда, когда убѣдилась, что съ того мѣста на которомъ стоялъ посланный, невидно какимъ образомъ лежитъ книга. За исключеніемъ этого послабленія въ чтеніи псалтиря, послабленія вызваннаго, какъ мы видѣли, крайнею необходимостью, во всемъ другомъ Анна Васильевна была строга и прежде всего къ себѣ самой, а затѣмъ и къ сестрамъ, какъ напр. относительно

трапезы, гдѣ строгость монашеской жизни выражалась въ весьма высокой степени. О-цъ Земблиновъ разсказываетъ, что однажды въ праздничный день, зашелъ онъ, по долгу попечителя, въ трапезу и засталъ сестеръ за такимъ скуднымъ обѣдомъ, что ему жалко ихъ стало и онъ, ужъ отъ себя, послалъ купить для нихъ нѣсколько соленыхъ лещей. Вскорѣ, однако, средства общины увеличились; въ нее вступила родная тетка Зиновея Ивановича Никифорова **Марья Яковлевна Маурина** и кромѣ того переѣхалъ на житье въ монастырь И. М. Арясовъ, съ своею женою **Александрою Яковлевною**, и всѣмъ своимъ имуществомъ. Этотъ переѣздъ совершился послѣ пожара въ 1839 году, истребившаго почти весь городъ, и между прочимъ великолѣпный домъ Арясова. Перебравшись въ Монастырь Арясовъ пожертвовалъ въ его пользу все свое скотоводство и плодовыя деревья изъ своего сада, бывшаго при сгорѣвшемъ домѣ. Послѣднее пожертвованіе было сдѣлано весьма кстати, потому что въ монастырѣ въ то время, руками сестеръ устраивался садъ на безплодной глинистой горѣ, потребовавшей колосальнаго труда для того, чтобы этотъ неудобный клочекъ земли, превратить въ тѣнистый, плодовитый садъ. Въ самомъ дѣлѣ тяжела была эта работа: въ горѣ копали ямы и въ эти ямы насыпали землю, которую сестры приносили издалека и потомъ ужъ въ эту насыпную почву сажали деревья..... и много, сказываютъ, сестеръ умерло на этой египетской работѣ. Къ тому же въ монастырѣ чувствовался большой недостатокъ въ рабочихъ инструментахъ, а потому таковые, а также и лошадей брали у священника Земблинова, который охотно снабжалъ монастырь этимъ, „но только“, замѣчаетъ онъ, „не всегда взятое возвращалось“; хотя, съ своей стороны онъ и принималъ противъ этого мѣры, отмѣчая свои вещи „землею“

(т. е. буквою З—земблиновъ); а однажды съ монастырскихъ работъ угнали у него даже двухъ лошадей.

XII.

По смерти свящ. Земблинова попечителемъ общины сдѣлался **протоіерей Мичкасскій**, отличавшійся такою ненавистью ко всѣмъ монастырскимъ,что не только не пускалъ ихъ къ себѣ въ домъ, но даже велѣлъ запирать двери и окна, когда бывало увидитъ кого либо изъ сестеръ у себя на дворѣ. Весьма понятно, что подобныя отношенія къ монастырю его попечители, неизбѣжно повлекли за собою столкновенія между имъ и настоятельницей, вслѣдствіе которыхъ былъ даже доносъ отъ попечителя къ архіерею о томъ, что будто бы въ монастырѣ большіе безпорядки, а настоятельница пользуется общественными деньгами. Анна Васильевна, когда узнала объ этомъ, то, какъ женщина твердая, а главное умная, сама явилась къ архіерею и успѣла доказать, что всѣ донесенія протоіерея Мичкасскаго ложны, вслѣдствіе чего по ея просьбѣ и былъ назначенъ другой попечитель Ломовскій **протоіерей Лука Тихоновичъ Тянгинскій**. При немъ въ 1848 году богадѣльня была переименована въ общину съ монастырскимъ уставомъ, и первою настоятельвицею этой новой общины сдѣлалась Анна Васильевна Тамбовцева, въ постриженіи пріявшая имя **Анастасіи**.

Между тѣмъ по смерти Свящ. О. Михаила Земблинова, въ монастырѣ небыло своего священника, а служили тамъ заштатные по найму вдовы покойнаго Земблинова, которой было „владыкою“ обѣщано, что мѣсто священника въ монастырѣ будетъ принадлежать ея сыну **Ивану Михайловичу Земблинову**, учившемуся покамѣстъ въ семинаріи; и вотъ

когда тотъ окончилъ курсъ, то дѣйствительно и былъ назначенъ монастырскимъ священникомъ. При Иванѣ Михайловичѣ скончалась настоятельница Анастасія и въ день св. Петра и Павла (29 іюня) была погребена въ монастырскомъ соборѣ на приготовленномъ ею самою мѣстѣ. Съ кончиною настоятельницы управленіе монастыремъ перешло въ руки казначеи **Пелагеи Степановны**, но такъ какъ казначея находилась совершенно подъ вліяніемъ Арясова, то монастыремъ сталъ управлять онъ и даже уплачивать жалованье священнику. Однажды, когда Арясовъ отказалъ священнику въ выдачѣ жалованья, то поэтому поводу между ними вышла ссора, причемъ обѣ стороны жаловались Краснослободскому **архимандриту Нифонту** [1]), который разобравши дѣло велѣлъ жалованье священнику уплатить.

Послѣ похоронъ настоятельницы Анастасіи, въ монастырѣ стали ожидать прибытіе **преосвященнаго Амвросія** (Морева), и ожидать съ тѣмъ большею тревогою, что въ присутствіи преосвященнаго должно было совершиться избраніе **первой игуменьи** [2]).

Какъ водится въ подобныхъ случаяхъ необошлось дѣло безъ партій и происковъ разныхъ лицъ, почему либо заинтересованныхъ тѣмъ или другимъ выборомъ для Арясова, напр., желавшаго управлять монастыремъ, было бы весьма удобно еслибы выборъ палъ на казначею Пелагею Степановну, тогда какъ по мнѣнію монастырскаго священника Земблинова, недавно впрочемъ, поссорившагося съ Арясовымъ, старицы **Евпраксія** и **Надежда** болѣе соотвѣтство-

1) Архимандритъ Нифонтъ, настоятель Краснослободскаго Спасскаго монастыря замѣчателенъ своею долговѣчностью: онъ умеръ 117 лѣтъ отъ роду и былъ на столько еще бодръ, что за три дня до смерти совершалъ даже литургію.

2) Надо полагать, что это случилось въ 1851 году, когда община была возведена на степень штатнаго монастыря.

вали высокому назначенію игуменьи; и вотъ, такимъ образомъ, даже здѣсь „за монастырскою стѣною“, завязалась своего рода избирательная борьба..... Арясовъ, какъ человѣкъ бывалый, узнавъ, что архіерей находится **въ Скановой** пустыни, (около г. Наровчата), немедленно туда отправился съ тѣмъ расчетомъ, чтобы повидавшись тамъ съ всесильнымъ тогда **кафедральнымъ протоіереемъ Ѳедоромъ Петровичемъ Островидовымъ**, чрезъ его посредство устроить дѣло въ пользу избранія Пелагеи Степановны; и это повидимому удалось, потому что возвратившись въ Керенскъ Арясовъ прямо объявлялъ, что игуменьей будетъ Пелагея Степановна. По прибытіи архіерея въ Керенскъ Ѳедоръ Петровичъ незамедлилъ, „келейно“ внушить священнику Землинову, что въслучаѣ если „владыка“ пожелаетъ узнать его мнѣніе относительно выбора игуменьи, то указывалъ бы на Пелагею Степановну. На это Землиновъ отвѣчалъ „слушаю-съ“, и дѣйствительно поступилъ такъ, но лишь только назвалъ Пелагею Степановну, какъ къ всеобщему удивленію архіерей нашелъ, что Пелагея Степановна „молода“, и что „надо бы кого постарше“.—„Постарше-то очень строги“, не безъ ироніи замѣтилъ св. Землиновъ; „вотъ строгихъ-то мнѣ и надо“, сказалъ архіерей и указалъ при этомъ на покойную Анну Васильевну, которая „была строга и монастырь отъ того устроила и все у нее въ монастырѣ хорошо было“. Послѣ такихъ рѣчей „владыки“, Землиновъ безъ опасенія могъ уже указать на желанныхъ ему старицъ **Евпраксію** и **Надежду.** Написавъ собственноручно, оба эти имени на бумажкахъ архіерей кинулъ жребій и по этому жребію игуменство досталось старицѣ Евпраксіи. Можетъ быть преосвященный и остановился бы на этомъ избраніи, еслибы въ это время Ѳ. П. Островидовъ и Пензенскій **архимандритъ Павелъ,** невздумали его

уговаривать назначить Пелагею Степановну, вслѣдствіе чего архіерей объявилъ, что „думаетъ покамѣстъ совсѣмъ неназначать игуменьи". Дѣло казалось было проиграно; какъ вдругъ, кто то (м. б. даже самъ Арясовъ) шепнулъ Ѳед. Петр., что Евпраксія пьетъ декоктъ, и это обстоятельство дало возможность, въ числѣ прочихъ доводовъ, доложить архіерею, что Евпраксія не благонадежна, потому что декоктъ пьетъ она „на винѣ". Владыка, нетерпѣвшій пьянства во всѣхъ видахъ, ужасно говорятъ разгнѣвался на священника Земблинова и призвавъ къ себѣ сталъ выговаривать за легкомысленную рекомендацію, но Земблиновъ успѣлъ оправдаться тѣмъ, что хотя Евпраксія и дѣйствительно пьетъ декоктъ „на винѣ", но пьетъ его понемногу, по совѣту доктора и по благословенію его Земблинова, отца ея духовнаго. Архіерей успокоился, но все таки велѣлъ произвести новый выборъ, черезъ сестеръ. Разсказываютъ, что выборъ этотъ былъ обставленъ большою торжественностью: собрали всѣхъ сестеръ, принесли Тихвинскую икону Божіей Матери и начали „молебное пѣніе", въ заключеніе котораго прочтена была особая молитва и столь умилительная, что всѣ сестры плакали. Послѣ молебствія, поручивъ Ѳ. П. Островидову произвести выборъ, самъ владыка отправился по городскимъ церквамъ, а когда возвратился въ монастырь, то узналъ, что огромнымъ большинствомъ голосовъ выбрана на игуменство Пелагея Степановна, получившая изъ 300 голосовъ 200, тогда какъ за Евпраксію было всего только три голоса. Арясовъ и его сторонники можетъ быть уже торжествовали и побѣду, какъ вдругъ архіерей объявилъ, что назначаетъ игуменьей Евпраксію, говоря: что она хотя и немного получила голосовъ, но это случилось должно быть потому, что всѣ, какъ видно, боятся ея строгости. Такимъ образомъ

не смотря на происки Арясова на игуменствѣ стала Евпраксія, какъ желалъ, того священникъ Землиновъ, одержавшій въ данномъ случаѣ тѣмъ большую побѣду, что архіерей, уѣзжая изъ монастыря, между прочимъ, совѣтывалъ новой игуменьѣ во всемъ слушаться священника Землинова.

XIII.

Въ первое время своего управленія монастыремъ Евпраксія, слѣдуя неуклонно совѣту Преосвященнаго во всемъ слушалась своего священника и потому, по словамъ отца Землинова, „дѣло пошло было хорошо, даже лучше чѣмъ при покойной Аннѣ Васильевнѣ“—если бы къ несчастію только этотъ злополучный „декоктъ на винѣ,“ къ которому игуменья мало по малу пристрастилась,—непарализовалъ благое вліяніе священника. Не говоря уже о разныхъ безпорядкахъ, которые стали вкрадываться въ монастырское управленіе, игуменья, подъ вліяніемъ декокта начала даже мстить своимъ бывшимъ соперникамъ: такъ напр., она выгнала изъ монастыря сироту Аннушку, приказавъ вывести ее за ворота и выкинуть ей вслѣдъ узелокъ съ ея бѣднымъ имуществомъ; и все это за то, что Аннушка имѣла несчастіе пользоваться покровительствомъ Пелагеи Степановны и жить въ ея кельѣ. Впрочемъ, по просьбѣ Пелагеи Степановны вступился за Аннушку священникъ Землиновъ и настоялъ, что сиротка опять была взята въ монастырь.

Впослѣдствіе Игуменья Евпраксія начала ссориться даже и съ своимъ руководителемъ священникомъ Землиновымъ, опека котораго ей видимо надоѣла, но до окончательнаго разрыва дѣло дошло лишь тогда, когда умерла Арясова, а вслѣдъ за нею скоропостижно скончался и

самъ Арясовъ. Въ это время игуменья жаловалась на своего священника Ломовскому архимандриту Евпсихію [1]), а тотъ, въ свою очередь донесъ преосвященному, что будто-бы свящ. Земблиновъ „смущаетъ монастырь.“ Неизвѣстно въ чемъ собственно обвиняла игуменья о-ца Земблинова передъ Ломовскимъ архимандритомъ, на самомъ же дѣлѣ „смущеніе“ монастыря заключалось въ томъ, что священникъ совѣтовалъ игуменьѣ сдѣлать опись имуществу, оставшемуся послѣ умершихъ Арясовыхъ, но игуменья не хотѣла этого дѣлать и самое имущество скрыла, подъ тѣмъ предлогомъ, что Арясовы жили столько лѣтъ въ монастырѣ безъ всякой за то платы.

О дальнѣйшей судьбѣ игуменьи Евпраксіи извѣстно, что вслѣдствіе черезъ чуръ ужъ усерднаго употребленія декокта, она была лишена сана игуменьи и окончила жизнь простой монахиней. Что же касается до священника Ивана Михайловича Земблинова, то онъ вскорѣ послѣ ссоры своей съ Игуменьей, переведенъ былъ въ Пензу къ Казанской церкви, гдѣ и находился до самой кончины своей.

XIV.

1839 годъ памятенъ безпрерывными пожарами, [2]) опустошившими чуть-ли не половину Пензенской губерніи, городъ Пенза, Городищи, Нижній Ломовъ, Инсаръ, Наровчатъ и Керенскъ сдѣлались жертвою пламени.

Въ сосѣднихъ губерніяхъ Тамбовской и Саратовской также не мало городовъ и селъ пострадало отъ пожа-

---

1) Архимандритъ Евпсихій — былъ ректоромъ Пензен. Духовной Семинаріи.

2) Эту главу заимствуемъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, изъ собственной статьи нашей, помѣщенной въ „Справочн. Листкѣ“ Моршанско-Сызранской жел. дор., 23 ноября 1876 г. № 254.

ровъ. Народонаселеніе вездѣ жило подъ вліяніемъ страха и впечатлѣній отъ доносившихся со всѣхъ сторонъ зловѣщихъ слуховъ о поджогахъ.

День ото-дня эти слухи все дѣлались настойчивѣе и, наконецъ, въ народной массѣ начали слагаться цѣлые разсказы о поджигателяхъ и ихъ подвигахъ. Этимъ разсказамъ, не смотря иногда на всю очевидную ихъ нелѣпость, всѣ, въ особенности же крестьяне,—почти безусловпо вѣрили; вѣрили потому, что подъ руками не было болѣе точныхъ объясненій постигшаго всѣхъ бѣдствія. Мало этого: самыя даже распоряженія начальства и различныя мѣропріятія къ ограниченію пожарныхъ случаевъ, подъ вліяніемъ всеобщей паники, перетолковывались самымъ необыкновеннымъ образомъ, что еще больше увеличивало всеобщій страхъ и негодованіе. Все это повело къ безумнымъ вспышкамъ бунта, обнаружившагося между крестьянами нѣкоторыхъ уѣздовъ. Къ сожалѣнію, эти вспышки имѣли мѣстами трагическія послѣдствія. Такъ, напримѣръ, въ Городищенскомъ уѣздѣ крестьяне дер. Домосердки, заподозривъ въ поджогахъ сосѣдняго помѣщика Ларіонова, распяли его на плетнѣ и при этомъ нанесли ему страшные побои; въ д. Муромкѣ, Нижне-Ломовскаго уѣзда, крестьяне, во время пожара, сожгли цѣловальника, а въ городѣ Кузнецкѣ, Саратовской губерніи, такой же участи подвергся земскій исправникъ.

Волненіе охватившее такимъ образомъ цѣлую губернію, весьма понятно, должно было отозваться и въ Керенскомъ уѣздѣ.

Въ Керенскѣ молва о поджогахъ пріобрѣла еще большее вѣроятіе и въ особенности съ тѣхъ поръ, когда въ городѣ въ разныхъ мѣстахъ, начали находить подметныя письма и на стѣнахъ домовъ и заборахъ начали появляться

надписи въ родѣ, наприм., слѣдующей, появившейся не задолго до пожара на домѣ Арясова: „что было прежде Гоморѣ и Садому, то будетъ нынѣ Арясову дому.“

Кромѣ того: пріѣхавшіе изъ с. Татарской Лаки [1]) люди разсказывали о двухъ незнакомцахъ, которые будто-бы давали Лакинскимъ пастухамъ по золотому за то, чтобы тѣ, въ полдень, подержали надъ соломой какое то круглое зеркальце....

По словамъ сторожиловъ, всѣ эти письма, надписи и разсказы навели такой страхъ на всѣхъ жителей, что многіе, подъ вліяніемъ этого страха, проводили ночи на улицѣ на караулѣ у своихъ домовъ, другіе заблаговременно укладывали на воза свое имущество, а нѣкоторые даже и спали не раздѣваясь.

Опасеніямъ Керенцевъ суждено было оправдаться. Въ одинъ изъ ясныхъ, солнечныхъ дней, послѣ обѣда, вдругъ ударили въ набатъ. То загорѣлась, крытая соломой, калашня крестьянина Лапоткова (онъ же Дороньнинъ), стоявшая на спускѣ къ большому мосту черезъ рѣку Вадъ. Поднявшійся при этомъ сильный вѣтеръ погналъ пламя на линію смежныхъ домовъ и вскорѣ вся линія пылала. Горящіе головни высоко неслись по воздуху, и падая, въ разныхъ мѣстахъ зажигали городъ. Въ непродолжительномъ времени пожаръ принялъ громадные размѣры: почти вся городская площадь, домъ Арясова, Дворянская и Городническая улицы, линія домовъ около р. Керенки и подгородныя слободы на Спасской дорогѣ—почти одновременно пылали. По словамъ старожиловъ картина пожара сдѣлалась ужасна: горѣли дома, горѣло и имущество, вынесенное изъ домовъ на улицу; густой дымъ покрывалъ городъ; раска-

1) Село Татарская Лака, Покровское тожъ, Керенскаго уѣзда, въ 15 вер. отъ города.

ленный воздухъ сдѣлался невыносимымъ для дыханія; все живое стремилось выйдти изъ пылающаго города, какъ бы превратившагося въ гигантскую печь. Поднялась страшная суматоха; люди, лошади, подводы, нагруженныя имуществомъ,—все это сбилось въ одну суетящуюся и обезумѣвшую отъ страха массу. Въ этой суматохѣ теряли вещи, теряли другъ друга, матери отыскивали дѣтей, мужья женъ, дѣти отцевъ. Отвсюду неслись отчаянные вопли, стоны и крики, вездѣ бушевало пламя и съ трескомъ рушились дома. Казалось, что насталъ послѣдній день.... Цѣлыхъ 11 дней дымилось пожарище и около 500 домовъ сдѣлались добычею пламени. Городъ обезлюдилъ. Злополучные жители перебрались за городъ,—частью къ женскому монастырю, частъю на луга между рѣками Вадомъ и Чангаромъ, помѣщаясь кто въ шалашахъ, а кто и просто подъ открытымъ небомъ; многихъ застала и зима въ такой обстановкѣ.

Жители уѣзда жили въ то время подъ вліяніемъ такого же страха, какъ и горожане, потому что и въ уѣздѣ пожары случались чуть не ежедневно, да и самые слухи о поджогахъ нашли болѣе удобную почву для своего развитія. Благодаря этимъ слухамъ, въ с. Татарской Лакѣ случилось трагическое происшествіе.

Въ то время Керенскій уѣздъ, какъ и вся губернія, послучаю пожаровъ, былъ раздѣленъ на участки. Начальникомъ Татарско-Лакинскаго участка былъ назначенъ мелкопомѣстный дворянинъ **Дураковъ**, о чемъ онъ и получилъ отъ предводителя бумагу. Крестьяне, свѣдавъ объ этой бумагѣ и о назначеніи Дуракова „пожарнымъ начальникомъ", порѣшили, что онъ то и есть тотъ поджигатель, о которомъ ходитъ молва, а полученная имъ бумага уполномочиваетъ его дѣлать поджоги. Убѣжденіе это было до того сильно, что надъ Дураковымъ учрежденъ былъ крестьянами надзоръ.

Когда Дураковъ узналъ объ этомъ то вмѣсто того, чтобы опровергнуть, возводимое на него обвиненіе, давъ самимъ крестьянамъ прочитать, полученную имъ бумагу, какъ это нѣкоторые и совѣтывали ему сдѣлать, вмѣсто всего этого вздумалъ позабавиться всеобщимъ страхомъ и однажды, въ кружкѣ сосѣдей помѣщиковъ, шутя назначилъ даже день, въ который загориться Лака, причемъ одна молоденькая помѣщица, (А. А. Эльнеръ), тоже въ шутку, низко кланялась Дуракову и просила неподжигать ихъ. Послѣ этого крестьяне еще съ большимъ недовѣріемъ стали относиться къ Дуракову, и когда, въ одинъ изъ назначенныхъ имъ въ шутку сроковъ, въ с. Лакѣ дѣйствительно случился пожаръ, то всѣ сомнѣнія относительно преднамѣренности поджога рушились. Несмотря на то, что загорѣлся собственный сарай Дуракова его все таки сочли поджигателемъ. Все село пришло въ страшное волненіе. Толпа крестьянъ бросилась на пожаръ и, заставъ тамъ хлопотавшаго Дуракова, не долго думая, схватила несчастнаго и потащила въ огонь, причемъ вмѣстѣ съ мужиками участвовали и бабы, сельская попадья, напр., подталкивали Дуракова въ огонь пехтелемъ. Затѣмъ крестьяне разбили кабакъ, перепились всѣ до пьяна и уже окончательно обезумѣли. Одной изъ дочерей Дуракова чуть было неотрубили голову, покрайней мѣрѣ клали ее на порогъ, какъ на плаху, но почему то одумались. Дураковъ тоже спасся отъ неминуемой смерти, благодаря заступничеству **татарина Алмакая**, одного изъ зачинщиковъ бунта, и былъ только обожженъ и страшно избитъ.

На другой день въ село прибылъ **исправникъ Маматказинъ** съ какимъ то чиновникомъ и былъ сейчасъ же схваченъ крестьянами и арестованъ. Вскорѣ, впрочемъ, прибылъ въ Лаку съ понятыми изъ сосѣднихъ деревень, **стано-**

вой приставъ Череминъ и, освободивъ арестованныхъ чиновниковъ началъ расправу. Какъ видно, Череминъ шутить нелюбилъ: десятый человѣкъ былъ имъ наказанъ розгами и при томъ такъ жестоко, что двое черезъ нѣсколько дней умерли. Такимъ образомъ бунтъ былъ подавленъ, но далеко не кончилось наказаніе виновныхъ. Черезъ нѣсколько дней по распоряженію губернатора А. А. Панчулидзева, въ с. Татарскую Лаку прибылъ вице-губернаторъ И. В. Алферьевъ, для производства слѣдствія и наказанія виновныхъ. Прибыла также и военная команда. Виновные были прогоняемы „сквозь строй“ и двое или трое изъ нихъ тутъ же, во время наказанія, умерли. Въ числѣ этихъ умершихъ былъ между прочимъ полицейскій сотскій, который былъ подвергнутъ наказанію за то, что не предотвратилъ возмущенія, хотя онъ и неимѣлъ къ тому никакихъ средствъ. Попадья, толкавшая Дуракова пехтелемъ въ огонь, была приговорена къ тюремному заключенію.

Очевидцы всѣхъ этихъ происшествій разсказываютъ, что жены двухъ умершихъ подъ шпицрутенами крестьянъ будто бы умерли одновременно съ своими мужьями. Неизвѣстно на сколько справедливъ такой фактъ, но преданіе о немъ сохраняется и теперь.

Чтоже касается до несчастнаго „поджигателя“ Дуракова, то ему пришлось заплатить жизнью за свою неумѣстную шутку. Впрочемъ, даже и теперь нѣкоторые сомнѣваются, что его обѣщаніе поджечь село было шуточное. Многіе увѣряютъ, что будто бы нѣкоторые видѣли даже, какъ Дураковъ поджигалъ собственный сарай. А въ то время, послѣ этого происшествія, одинъ изъ помѣщиковъ (Трофимовъ) бранилъ Дуракова за то, что онъ поджегъ середину села и указывалъ ему въ примѣръ помѣщика Чубарова, который, получивъ такую же бумагу, зажегъ никому не-

нужный старый амбаръ на краю села и тѣмъ спасъ все село отъ пожара.

Татаринъ Алмакай, главный зачинщикъ бунта, спасши Дуракова отъ смерти,—этимъ отъ суда и наказанія и даже былъ награжденъ серебряною медалью, которую онъ впрочемъ никогда не носилъ,—потому, что не смѣетъ носить.....

На этомъ послѣднемъ событіи мы принуждены прервать нашъ „Историческій очеркъ Керенскаго края," очеркъ, къ сожалѣнію, весьма неполный и далеко незаконченный, что зависѣло отъ скудости тѣхъ источниковъ, которыми мы могли пользоваться. Правда, что кромѣ печатныхъ источниковъ, мы благодаря дозволенію г. **Начальника губерніи А. А. Татищева** имѣли возможность пользоваться также и архивомъ Керенскаго полицейскаго Управленія, но, къ сожалѣнію, въ этомъ архивѣ, кромѣ дѣлъ бывшаго земскаго суда, непредставляющихъ особаго интереса,—мы ненашли ничего, такъ какъ всѣ дѣла бывшаго уѣзднаго суда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, были отправлены частью въ Московскій архивъ (дѣла съ 1700—1780 г.) или же переданы въ Пензу въ гражданскую палату; причемъ одно изъ интересныхъ дѣлъ, дѣло о Пугачевскомъ бунтѣ въ Керенскомъ уѣздѣ—утрачено, похищенное кѣмъ-то. Немало также дѣлъ разошлось по рукамъ чиновниковъ,—отправлявшихъ архивъ и немало изъ нихъ очутилось въ лавкахъ мѣстныхъ торговцевъ, употребившихъ бумаги на оклейку стѣнъ и завертываніе товаровъ, и такимъ образомъ утратилось безвозвратно, не смотря на свою, можетъ быть, историческую цѣнность.

Многіе изъ изложенныхъ нами фактовъ извлечены изъ архивовъ мѣстныхъ церквей и устныхъ разсказовъ разныхъ

лицъ: Сосновскаго крестьянина **Полшкова**, священника **И. М. Земблинова, И. М. Кондагарова, А. Г. Александровскаго и Д. А. Ронцова**.

Пользовались мы также и старинными рукописями любезно сообщенными намъ Керенскими жителями: Игуменьей Тихвинскаго монастыря **Анастасіей**, и землевладѣльцами: **Н. П. Куткинымъ, Ф П. Александровскимъ, К. В. фонъ-Штромбергъ** и въ послѣднее время владѣльцемъ с. Шеина **Н. Х. Логвиновымъ**. Документы сообщенные г. Логвиновымъ представляютъ большой интересъ въ историческомъ отношеніи и, какъ видно, дадутъ возможность составить особый историческій очеркъ с. Шеина Вообще считаемъ не лишнимъ замѣтить, что трудъ нашъ далеко не оконченъ, и въ виду этого мы намѣрены подъ рубрикою: „Приложенія къ историческому очерку Керенскаго края", время отъ времени, сообщать въ Редакцію Губернскихъ Вѣдомостей все, что удастся намъ найти новаго по исторіи Керенскаго края.

Г. П.

Приложенія къ историческому очерку Керенскаго края.

1.

Высочайшій манифестъ Керенскимъ жителямъ.

Съ особливымъ удовольствіемъ извѣстились Мы чрезъ донесеніе нашего генерала графа Петра Панина, что наши вѣрные подданные Воронежской губерніи г. Керенска воеводскій товарищъ (Ив. Персковъ) и секретарь съ канцелярскими служителями, штатная и Инвалидная команды, такъ какъ и нѣкоторые уѣздные дворяне купно съ своимъ предводителемъ (Енгалычевъ), руководствуясь истинною къ отечеству любовію, не токмо мужественное и храброе учинили сопротивленіе, отража разбойническую шайку самозванца Пугачева, но и послѣ по троекратномъ отъ оной же шайки во многомъ числѣ людей нападеніи, и наконецъ зажженіи города, защищались и оборонялись храбро и единодушно; чрезъ что городъ отъ разоренія и въ немъ денежную казну, также казенную соль сохранили, а паче гражданъ спасли. Мы, обыкнувъ, воздавать каждому по мѣрѣ его службы и достоинствъ праведную мзду, восхотѣли симъ Нашимъ манифестомъ объявить всѣмъ отличившимся при вышеозначенномъ случаѣ Высочайшее Наше къ нимъ благоволеніе, милость и похвалу, обнадеживая ихъ, яко дознанныхъ въ дѣйствительномъ усердіи подданныхъ, какъ достойнымъ нынѣ воздаяніемъ, такъ и впредь непремѣннымъ нашимъ Монаршимъ призрѣніемъ и покровительствомъ. Данъ въ Спб. 1774 года октября 29.

На подлинномъ Собственною Ея Императорскаго Величества рукою написано тако: Екатерина II.

2.

Списокъ воеводъ Керенскихъ.

(Неполный).

1. Автамонъ Семеновичъ Безобразовъ до 14 декабря 1671 г.
2. Димитрій Харламовичъ Соймоновъ съ 1671 года.
3. Яковъ Θедоровичъ Пыхачевъ въ 1681 году.
4. М. А. Зыковъ 1684—85.
5. Еремей Назаровичъ Хрущовъ въ 1686 г.
6. Таракановъ въ 1687 г.
7. Димитрій Загоскинъ (годъ неизвѣстенъ).
8. Стольникъ Павелъ Яковлевичъ Веселовскій 1693 г.
9. Алексѣй Тимофеевичъ Свищовъ въ 1697 г.
10. Гр. Пет. Чернышевъ 1698 г.
11. Приклонскій въ 1700 г.
12. Засѣцкій съ 1701—1702 г.
13. Иванъ Федоровичъ Поливановъ 1703—1704.
14. Комендантъ Ченышевъ.
15. Козловъ 1724—1729.
16. Гречаниновъ 1730—1731 г.
17. Прапорщикъ Пестовъ 1733—1735 г.
18. Борисъ Владиміровичъ Полуехтовъ въ 1737 г.
19. Кабановъ въ 1742 г.
20. Сурявцевъ и воеводскій товарищъ Иванъ Персковъ 1771—73 г.
21. Иванъ Персковъ (бывшій воеводскій товарищъ) 1775 г.

3.

О дворянскихъ фамиліяхъ въ Керенскомъ уѣздѣ.

Кромѣ поименованныхъ нами въ „очеркѣ“ дворянскихъ фамилій, когда либо владѣвшихъ помѣстьями въ Керенскомъ уѣздѣ, существовало тамъ множество еще и другихъ владѣльцевъ, невошедшихъ въ „Историческій Очеркъ“ по недостатку о нихъ такихъ свѣдѣній которые бы имѣли прямое отношеніе къ жизни Керенскаго края. Между тѣмъ самое существованіе этихъ фамилій въ Керенскомъ краѣ уже обязываетъ насъ, для возможной полноты нашего труда, сказать о нихъ все, что намъ извѣстно, хотя бы это было только одно имя, дошедшее до насъ по преданію.

Изъ всѣхъ владѣльцевъ Керенскихъ самыми древнѣйшими можно считать **Беклемишевыхъ.**

Въ настоящее время ни одинъ изъ членовъ этой фамиліи неимѣетъ уже владѣній въ Керенскомъ уѣздѣ, и мы незнаемъ существуетъ ли какое либо родство между Беклемишевыми Керенскими и членами такой же фамиліи, и теперь существующей въ Саратовской, а можетъ быть еще и другихъ губерніяхъ, но за то намъ извѣстно, что Беклемишевы Керенскіе были древними владѣльцами не только что одного Керенскаго края, но цѣлой обширной области, которая въ старину называлась „Мещерою“, и которая роду Беклемишевыхъ обязана распространеніемъ въ ней свѣта христіанскаго ученія. Отдаленные предки Беклемишевыхъ Монгольскаго племени и происходятъ изъ большой орды, завладѣвшей сѣверо-восточными областями Россіи. Изъ историческихъ свидѣтельствъ видно, что князья Ширинскіе подняли брань на царя большой орды

и въ 1298 году ушли изъ нея кочевать на волгу. Одинъ изъ нихъ Бахметъ Усейновъ сынъ пришелъ въ Мещеру, взялъ ее войною и остался здѣсь княжить. Въ Мещерѣ родился у него сынъ **Беклемишъ**, который впослѣдствіи принялъ крещеніе и назвался **Михаиломъ**. Отъ него то родъ Беклемишевыхъ и получилъ свое начало. Михаилъ Беклемишъ поставилъ въ Андреевомъ городкѣ храмъ Преображенія и крестилъ съ собою много людей [1]) у него былъ сынъ **Өедоръ, а** у Өедора **Юлій**, который въ 1380 году пришелъ съ войскомъ своимъ на помощь къ Великому Князю Московскому Димитрію Донскому противъ Мамая, отличился въ бою и палъ на Куликовомъ полѣ. Отсюда можетъ быть, начинается связь судьбы рода Беклемишевыхъ съ судьбами Русскаго Государства и ихъ службы Русскимъ Государямъ [2]).

Къ сожалѣнію о Беклемишевыхъ намъ извѣстно лишь въ позднѣйшихъ поколѣніяхъ, а именно со временъ Ивана Грознаго.

Въ Казанскомъ походѣ 1544 года одинъ изъ Беклемишевыхъ **Иванъ Васильевичъ** находился 1-мъ воеводою 2-го большаго полка; 1-мъ воеводою 6 го сртаульнаго полка въ Шведскомъ походѣ 1549 г и 1-мъ воеводою 6-го большаго полка въ Полоцкомъ походѣ 1551 года. **Иванъ Григорьевичъ** и **Михаилъ Семеновичъ** Беклемишевы получили отъ Ивана Грознаго помѣстья въ Московскомъ уѣздѣ 2-го октября 1550 года. **Игнатій Игнатьевичъ** Беклемишевъ убитъ при взятіи Казани 2 октября 1552 года и [illegible]

1) Несмотря на такое давнее распространеніе христіанства въ Мещерской области, мы встрѣчаемъ извѣстіе, что въ 1635 году погибаетъ здѣсь (въ с. Конабѣевѣ) мученическою смертью **епископъ Михаилъ** Рязанскій, обращавшій въ христіанство татаръ и мордву въ уѣздахъ: Касимовскомъ, Шатскомъ, Кадомскомъ и Тамбовскомъ.

2) Родославн. Кн. Долгор. II стр. 15 и 23.

имя его вписано въ сунодикъ Успенскаго собора [1]). Затѣмъ изъ рода Беклемишевыхъ были воеводы въ Теркахъ (на Кавказѣ) Бѣлой, Тобольскѣ, Астрахани, Туринскѣ и Тюмени; 41 изъ Беклемишевыхъ въ 1699 году владѣютъ въ разныхъ мѣстахъ многими населенными имѣніями. Дѣйствительный статскій совѣтникъ **Иванъ Беклемишевъ** въ 1760 году былъ вице-губернаторомъ въ Астрахани; Сергѣй Васильевичъ Беклемишевъ былъ вице-президентомъ коммерцъ-коллегіи въ 1775 году.

Достойно замѣчанія, что князь Михаилъ Өедоровичъ **Пожарскій**, отецъ князя **Димитрія Михайловича** освободителя Москвы отъ поляковъ въ 1612,—былъ женатъ на **Евфросиніи Өедоровнѣ Беклемишевой**. Послѣ того 200 лѣтъ спустя, оказывается, что Илларіонъ Матвѣевичъ **Голенищевъ-Кутузовъ**, отецъ князя Михаила Илларіоновича **Кутузова-Смоленскаго**—освободителя Москвы отъ французовъ въ 1812 году,—также былъ женатъ на дѣвицѣ **изъ рода Беклемишевыхъ**.

Баскаковы: выѣзжіе изъ татаръ. Предокъ ихъ назывался Ибрагимъ Баскакъ (по Новикову) **Филимонъ Ивановичъ** Баскаковъ былъ воеводою въ Казанскомъ походѣ 1514 года; **Илья Ивановичъ** упоминается въ Шведскомъ походѣ 1549 г; **Владиміръ Ивановичъ** въ Полоцкомъ походѣ 1551 года; **Андрей Ивановичъ** жалованъ помѣстьемъ въ Московскомъ уѣздѣ 1580 г. октября 2. **Иванъ** Баскаковъ убитъ въ зимнемъ Казанскомъ походѣ 1550 и имя его вписано въ сунодикъ Успенскаго собора. Другой **Андрей Ивановичъ** (по род. кн. Долгорукова) находился при посольствѣ къ

---

1) Вписываніе въ сунодики Успенскаго собора и другихъ церквей и монастырей, дѣлаемое по Царскому повелѣнію, считалось какъ бы наградой.

Сигизмунду 1611 году и былъ нѣсколько лѣтъ въ плѣну. **Евдокимъ Ивановичъ** былъ воеводою въ Кузнецкѣ въ 1623 году и въ Пелымѣ въ 1633 г.; **Ѳедоръ Евдокимовичъ** былъ воеводою въ Кузнецкѣ съ 1652 по 1656 годъ. **Ермолай** Баскаковъ былъ Стрѣлецкимъ Полковникомъ въ 1666 году, сынъ его **Григорій Ермолаевичъ** былъ стольникомъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей и убитъ подъ Азовомъ въ іюнѣ 1696 г. **Девять** Баскаковыхъ владѣли населенными имѣньями въ 1699 г.; трое изъ нихъ были стольниками при Петрѣ В., а именно: **Петръ Ермолаевичъ, Иванъ Евдокимовичъ** и **Иванъ Михайловичъ.** Дѣйствительный статскій совѣтникъ **Алексѣй Петровичъ** Баскаковъ былъ президентомъ ревизіонной коллегіи въ правленіе принцессы Анны Леопольдовны. **Иванъ Авраамовичъ** Баскаковъ при Павлѣ I-мъ былъ адмираломъ.

Битяговскіе: Афанасій, Андрей и **Иванъ** упоминаются на службѣ при Иванѣ Грозномъ. **Михаилъ** и сынъ его **Данило** Битяговскіе были въ числѣ убійцъ Царевича Димитрія 15 мая 1591 года; въ тотъ же день Михаилъ и Данило преданы были смерти жителями г. Углича. **Григорій Леонтьевичъ** убитъ при осадѣ Смоленска въ 1634 году, а **Ѳедоръ Посниковичъ** раненъ при той же осадѣ. **Девять** Битяговскихъ владѣли населенными имѣніями въ 1699 году.

Богдановы: Теузакъ Неклюдовичъ Богдановъ жалованъ помѣстьемъ отъ Іоанна Грознаго въ 1580 г.; **Иванъ Захаровичъ** находился воеводою въ Конлайскѣ въ 1600 г.; **Григорій Карповичъ** былъ дьякомъ въ разрядномъ приказѣ въ 1657 году, потомъ въ приказѣ Казанскаго дворца и въ послѣдніе годы царствованія Алексѣя Михайловича и при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ былъ думнымъ дьякомъ; сынъ его **Ѳеодоръ Григорьевичъ** былъ стольникомъ. **Тридцать** Богдановыхъ владѣли населенными имѣніями въ 1699 году и

трое изъ нихъ были стольниками Петра Великаго: **Яковъ Ивановичъ, Григорій и Михайло Самсоновичи.** Дѣйствительный статскій совѣтникъ **Сергѣй Никаноровичъ** въ 1857 году былъ Владимірскимъ Губернскимъ Предводителемъ.

Вешняковы: Игнатій Михайловичъ Вешняковъ находился постельничимъ при Іоаннѣ Грозномъ съ 1555—59 г; въ этомъ послѣднемъ году былъ посланъ съ войскомъ на Донъ, на помощь казацкому атаману князю Вишневецкому и умеръ въ 1561 году. **Василій, Богданъ, Семенъ и Жданъ Андреевичи**—помѣщики Псковскіе пожалованы въ Московскомъ уѣздѣ помѣстьями 2-го октября 1552 г.; изъ нихъ **Василій** находился воеводою въ Себежѣ съ 1563 по 65 г. Въ числѣ дворянъ, отъѣхавшихъ въ Польшу съ княземъ Курбскимъ въ 1564 году встрѣчается **Симонъ Марковичъ. Владиміръ Игнатьевичъ** находится воеводою въ Воронежѣ въ 1600 году, въ Валуйкахъ въ 1601 и въ Шатскѣ въ 1616 г. **Матвѣй Михайловичъ** былъ стрѣлецкимъ Полковникомъ при царѣ Феодорѣ Алексѣевичѣ и царевнѣ Софіи. **Двое** Вешняковыхъ владѣли населенными имѣньями въ 1699 году и одинъ изъ нихъ **Андрей Михайловичъ** былъ стольникомъ при Петрѣ В. генералъ-маіоръ **Иванъ Петровичъ** былъ гофмейстеромъ двора В. Кн. Михаила Павловича и женатъ былъ на княжнѣ Хованской.

Гербъ Вешняковыхъ: Щитъ раздѣленъ на четыре части; въ голубомъ полѣ—орелъ; въ серебряномъ полѣ—вишневое дерево съ плодами; въ крайномъ полѣ—слѣва выходитъ изъ облака рука въ латахъ съ саблею. На гербѣ—шлемъ и корона, наметъ красный, подложенъ серебромъ.

Вышеславцевы: (по Новикову) изъ Суздаля. **Пять** Вышеславцевыхъ пожалованы помѣстьями, 2-го октября 1552 г., въ Московскомъ уѣздѣ. **Девять** Вышеславцевыхъ владѣли населенными имѣньями въ 1699 г, и **четверо** изъ нихъ

были стольниками Петра В.: **Корнилій Тимоѳеевичъ**, **Илья Яковлевичъ**, **Степанъ Богдановичъ** и **Петръ Васильевичъ**.

Гербъ Вышеславцевыхъ: Въ голубомъ полѣ три золотые креста: одинъ вверху два внизу. На гербѣ: шлемъ и корона, изъ коей выходитъ рука въ латахъ съ мечемъ. Наметъ голубой, подложенъ золотомъ.

Изъ остальныхъ владѣльцевъ—дворянъ Керенскаго уѣзда, неупомянутыхъ въ „очеркѣ", извѣстны намъ слѣдующія фамиліи:

Владѣльцы Керенскаго уѣзда въ XVIII и въ началѣ XIX вѣка.

Антоновы.
Аржевскіе.
Ассеевы.
Ахлебинины.
Бахтемировы.
Бакшины.
Багильдѣевы.
Бизюкины.
Богатыревы.
Бахтыгозины.
Булушевы
Васильчиковы.
Всеволожскіе.
Громницкіе
Девлетъ-Кильдѣевы
Дубасовы.
Дураковы.
Енгалычевы.
Жуковы.
Заборовскіе.
Заботовы.
Иванчины.
Игнатьевы.
Іевлеевы.
Исаевы.
Ислентьевы.
Канабѣевы.
Карбаровы.
Кихичеевы.
Колонтаевы.
Колончаковы.
Коробьины.
Коральковы.
Кудашевы.
Кузьмины.
Лачиновы.
Лихаревы.
Ломоносовы.
Лопатины.
Ляпуновы.
Мазырины.
Максютовы.
Малаховы.
Маматевы.
Маметевы.
Мачинскіе.
Мерлиновы.
Мещериновы.
Можаровы.
Маматказины.
Маматказины-Сакаевы.
Муратовы.
Муромцевы.
Мясоѣдовы.
Несвицкіе.
Никифоровы.
Ножкины.
Охотниковы.
Павловы.

Петровы.
Платцовы.
Пожидаевы.
Полубояриновы.
Поповы.
Радищевы.
Рославлевы.
Рахмановы.
Реткины.
Рогожкины.
Савельевы.
Савины.
Сабуровы.
Салтыковы.
Самойловы.
Свищевы.
Семеновы.
Серебренниковы.
Сипягины.
Скуратовы.
Слѣпцовы.
Смирновы.
Сурмины.
Тарковскіе.
Татариновы.
Тевкелевы.
Терновскіе.
Титовы.
Тюмененевы.
Фаюстовы.
Феоктистовы.
Хвостовы.
Холудневы.
Хомяковы.
Ченакаевы.
Ченышевы.
Чекмаревы.
Чернышевы.
Чечерины.
Чурмантеевы.
Чуфаровы.
Чубаровы.
Шехмаметевы.
Шеины.
Юматовы и
Языковы.

Владѣльцы бывшіе Верхне-Ломовскаго уѣзда, перешедшіе къ Керенскому уѣзду.

Болкошины.
Брюхатовы.
Веденяпины.
Гагарины.
Гуликовы. (?).
Колычевы.
Комаровы.
Кашаевы.
Кикичевы.
Клепиковы.
Патрикѣевы.
Раевскіе.
Скорняковы.
Слѣпцовы.
Стокасимовы.
Тарховы.
Тарбѣевы.
Трусовы.
Тугушевы.
Турчаниновы.

4.

Священно-церковно-служители города Керенска [1]).

Немного нашли мы въ церковныхъ архивахъ свѣдѣній о священникахъ Керенскихъ, но и изъ этого немногаго, отчасти уже выясняется то положеніе, въ которомъ находилось наше духовенство въ первой половинѣ настоящаго столѣтія; причемъ нельзя не замѣтить, что положеніе это было далеко неудовлетворительно. Если и теперь въ наше, такъ называемое, „просвѣщенное" время,—духовенство, (преимущественно молодое его поколѣніе), только **внѣшнимъ** образомъ старается держаться на одномъ уровнѣ съ свѣтской интеллигенціей, заимствуя у этой послѣдней большею частію, только отрицательныя ея стороны, какъ-то: щегольство, стремленіе къ комфорту, недовольство своимъ положеніемъ и отчасти лже-либеральные взгляды, то духовенство прежнее, (не все, конечно), отличалось недостаткомъ научнаго образованія, грубостью нравовъ и „крайнимъ неуваженіемъ къ святынѣ", вызывавшими даже особые указы со стороны епархіальной власти, въ особенности же со стороны одного изъ „владыкъ" Пензенскихъ преосвященнаго **Иринея** (Несторовича) пылкаго ревнителя чисто-православныхъ началъ нашей русской церкви, которая какъ извѣстно, издавна обуревалась двумя направленіями, устремлявшимися на нее извнѣ: протестантскимъ и католическимъ.

Изъ прилагаемаго ниже списка священниковъ Керенскихъ видно, что не всѣ изъ нихъ получили полное семинарское образованіе и рукоположены во священники, по-

---

1) Помѣщая эту статью въ „Приложеніяхъ", считаемъ нужнымъ замѣтить, что было бы полезно еслибы общество взглянуло на себя и со стороны отношеній своихъ къ пастырямъ церкви; необходимъ, по этому, рядъ біографій священниковъ, со свѣдѣніями объ отношеніяхъ ихъ къ прихожанамъ.

степенно восходя до этого сана изъ низшихъ церковныхъ должностей; причемъ видно также, что всѣ эти „неученые" священники начали свое служебное поприще въ послѣднихъ годахъ XVIII вѣка. Но не только что въ это время, а даже и въ XIX вѣкѣ, а именно въ 1851 году, въ Керенскомъ уѣздѣ, находилось еще до 11 человѣкъ „неученыхъ", т. е. неокончившихъ семинарскаго курса, священниковъ.

Что же касается до нравственнаго, въ его внѣшнихъ проявленіяхъ, состоянія прежняго духовенства, то оно характеризуется нижеслѣдующими епархіальными указами, которые мы встрѣтили въ церковныхъ архивахъ.

Въ указѣ преосвященнаго Ирипея отъ 29 іюля 1828 г. за № 1560 указывается на замѣченное преосвященнымъ въ нѣкоторыхъ священно-церковно-служителяхъ „крайнее „неуваженіе къ святынѣ: входя въ церковь не дѣлаютъ благо„говѣйнаго поклоненія, въ сѣверные южные и самые цар„скіе врата входятъ не учинивъ вовсе поклоненія, а при „священно-служеніи діаконы, дьячки и пономари къ свя„щеннѣйшему престолу прикладываются безъ всякаго внима„нія, въ Божественномъ алтарѣ ходятъ какъ и куда попа„ло. Къ сему присовокупляется еще неблагоприличіе во„лосъ, неопрятность одежды и обуви, а на іереяхъ и про„тоіереяхъ нерѣдко бываютъ и самые знаки отличія очень „обветшалые, смятые и исковерканые, какъ будто у самыхъ „горькихъ пьяницъ."

Другимъ указомъ того же преосвященнаго отъ 3 декабря 1826 года, воспрещается священно церковно-служителямъ подстригать и брить бороды и усы, „дабы не подверглись укоризнамъ со стороны раскольниковъ"; воспрещается носить рясы другихъ, кромѣ černаго, цвѣтовъ, причетникамъ воспрещается вмѣсто полукафтаньевъ носить кучерскіе кафтаны съ широкими красными поясами и „перчатки

съ пальцами“ воспрещается также нюхать табакъ „пристрастіе къ коему замѣчено особенно у дьяконовъ, которые не стѣсняются нюхать даже передъ причастіемъ“.

Въ указѣ преосвященнаго Амвросія І-го отъ 10 декабря 1825 года за № 1292, сообщается указъ свят. правит. сунода, воспрещающій священно-церковно-служителямъ заниматься торговлей.

Изъ указа преосвященнаго Иринея отъ 16 ноября 1828 года, за № 1047 оказывается, что бывали случаи раздачи церковныхъ денегъ по долгамъ; этимъ указомъ такая раздача строжайше воспрещается.

Въ указѣ отъ 19 апрѣля 1828 года за № 751 говорится: „неоднократно замѣчено Его Преосвященствомъ изъ текущихъ дѣлъ, что духовныя лица, дѣйствующія на раскольниковъ далѣе дозволенныхъ секретнымъ указомъ 1800 года марта 22 средствъ,—вмѣсто желаемаго обращенія ожесточаютъ сихъ заблудшихъ и нерѣдко и сами себя подвергаютъ отвѣтственности“ почему подтверждается поступать съ раскольниками „съ кротостію и христіанскою любовью.“

Въ указѣ 20 апрѣля 1828 года за № 800-мъ публикуется о томъ, что священникъ **села Бѣлыни**, [1]) Нижне-Ломовской округи, удаляется отъ должности и препровождается въ Наровчатскій Скановъ монастырь на послушаніе за то, что бралъ сверхъ таксы за требы, въ установленные указомъ 1803 года апрѣля 3 дня. (А въ этомъ указѣ такса за требы была опредѣлена въ слѣдующихъ размѣрахъ: за молитвы родильницы 4 к., за крещеніе младенца 6 к., за свадьбу 20 к., за погребеніе взрослаго 20 к., а за погребеніе младенца 6 к.).

---

1) **Село Бѣлынь**—родина нашего извѣстнаго писателя—критика **Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго**.

Изъ другихъ указовъ преосвященныхъ Амвросія и Иринея, видно, что „во многихъ мѣстахъ епархіи Престолы едва стоятъ, такъ что при малѣйшемъ прикосновеніи колеблются, доски оныхъ повреждены, хитоны нечисты и находятся т. п. (указъ 24 декабря 1825 года) безпорядки. Кромѣ того въ нѣкоторыхъ церквахъ св. иконы въ иконостасахъ писаны неискусно или противно постановленіямъ церкви какъ-то: „Пророкъ Моусей, изображающій ветхій завѣтъ пишется въ видѣ прелестной женщины соблазнительницы (?), подъ покрываломъ, держащій въ рукахъ скрижали завѣта; а Пророкъ Захарія, совершающимъ божественную службу въ архіерейскомъ, а не въ древнемъ священническомъ облаченіи“ (указъ 3 декабря 1826 г, № 1520-й). Въ другихъ церквахъ оказались „возвышенныя мѣста для стоянія народа устроенные“—эти мѣста „какъ неприличные и противузаконные“ велѣно сломать (указъ 15 октября 1826). Нѣкоторыми указами предписывается священникамъ ежедневно говорить поученія къ народу, даже и въ то время когда за службой и никого нѣтъ въ церкви. „Чтеніе сіе наипаче нужно и полезно самимъ чтущимъ и учащимъ, а то пожалуй станутъ вѣдь мудрствовать и такъ: на что совершать въ такой день службу Божію, вѣдь никого въ церкви небудетъ“..... (Указъ отъ 17 іюля 1825 года за № 823). Другимъ указомъ преосвященнаго Иринея (за который между прочимъ онъ имѣлъ большія неприятности отъ высшихъ, свѣтской и духовной власти) предписывается, чтобы священники по совершеніи литургіи, послѣ отпуска **научали молитвамъ**, „произнося ихъ съ непритворнымъ чувствомъ и съ раздѣленіемъ и остановками, такъ чтобы взрослые и дѣти могли каждое слово повторять за священникомъ. По окончаніи всего сего священникъ обращается къ народу и произнести сіи слова:

простите мя братія, припадаетъ къ землѣ, а когда народъ скажетъ: **Богъ да проститъ ти честный отче, помолися о насъ, прости и благослови насъ**, то священникъ встаетъ, а народъ припадаетъ къ землѣ и тогда священникъ говоритъ: **Господь нашъ Іисусъ Христосъ благодатію и щедротами Своего человѣколюбія да проститъ и благословитъ всѣхъ**,—осѣняетъ всѣхъ рукою во образъ креста и отпускаетъ молящихся."

По довольно выписокъ изъ указовъ, обратимся теперь къ самимъ священно-церковно-служителямъ Керенскимъ.

Священники Успенскаго собора.

1. **Протоіерей Василій Черневскій** съ 1813 года. Обучался въ Тамбовской семинаріи, посвященъ во священника **епископомъ Θеофиломъ** въ 1790 году.

Примѣчаніе: церковная вѣдомость за 1818 годъ не подписана Черневскимъ, въ вѣдомости за 1822 г. значится, что „просто іерейское мѣсто **за умерствіемъ** состоитъ праздно", въ вѣдомости же 1829 года значится, что вмѣсто протоіерея священническое мѣсто зачислено за ученикомъ семинаріи высшаго отдѣленія **Иваномъ Юницкимъ**.

2. Протоіерей и благочинный **Сумеонъ Ермолаевичъ Мичкасскій**. Изъ вѣдомости за 1834 годъ видно, что при обозрѣніи г. Керенска преосвященнымъ Иринеемъ былъ награжденъ набедренникомъ за обращеніе 26 душъ раскольниковъ къ православію, тогда какъ изъ вѣдомости той же церкви за 1829 годъ значится, что „раскольниковъ въ приходѣ нѣтъ". Изъ вѣдомости же за 1836 годъ оказывается, что Мичкасскій 30 Ноября 1828 года, бывъ священникомъ Архангельской г. Керенска церкви, опредѣленъ Миссіоне-

ромъ для обращенія раскольниковъ и молоканъ [1]). Протоіерей Мичкасскій окончилъ курсъ въ Пензенской семинаріи, въ чемъ и получилъ свидѣтельство 11-го сентября 1818 года.

Другой штатъ.

1. Священникъ **Василій Даниловъ,** умеръ въ 1812 году.

2. Священникъ **Іоаннъ Прокофьевъ Поспѣловъ,** съ 1812 года, окончилъ курсъ въ Пензенской семинаріи въ 1811 году.

Третій штатъ:

1. Священникъ **Сvмеонъ Ѳедоровъ,** умеръ въ 1808 г.

2. Священникъ **Сvмеонъ Трофимовъ,** съ 1791 года былъ пономаремъ при Соборѣ; съ 1796 года діакономъ Покровской г. Керенска церкви, а съ 1808 г. и по 25 февраля 1834, священникомъ при соборѣ.

3. Священникъ **Іоаннъ Ермолаевъ Рождественскій,** съ 25 февраля 1834 года. Окончилъ курсъ въ Пензенской семинаріи въ 1830 году.

Священники Архангельской церкви.

1. Священникъ **Василій Петровъ** умеръ въ 1796 году.

2. Священникъ **Степанъ Трофимовъ** сынъ умершаго, той же церкви, священника **Трофима Филиппова,** окончилъ Богословскій курсъ въ Тамбовской семинаріи, священствовалъ съ 1796—1827 годъ.

3. Священникъ **Сvмеонъ Ермолаевъ Мичкасскій** съ 1827. Съ 22 іюля 1830 года сдѣланъ протоіереемъ Керенскаго Успенскаго собора (см. списокъ соборныхъ священ.).

---

1) Въ 1851 году въ Керенскомъ уѣздѣ считалось въ с. **Кандеевкѣ** молоканъ 18 человѣкъ и въ с. **Никольскомъ** раскольниковъ 19 человѣкъ.

Второй штатъ.

1. По клировымъ вѣдомостямъ священническое мѣсто зачислено за ученикомъ 1-го отдѣленія духовной семинаріи **Гавріиломъ Керенскимъ.**

2. **Василій Петровичъ Любомировъ**, священническій сынъ, окончилъ курсъ въ Пензенской семинаріи и состоитъ священникомъ съ 1826 года и до настоящаго времени т. е. **ровно 55 лѣтъ.** Долгое время былъ постояннымъ духовникомъ высшаго сословія Керенскихъ жителей и отличается сильною привязанностью къ своему храму, что выразилось особенно въ то время, когда по распоряженію начальства, разрушали ветхую Архангельскую церковь, престарѣлый священникъ горько плакалъ гляда на разрушеніе храма, при коемъ онъ служилъ столь долгое время.

Священники Богоявленской церкви.

1. Самый старѣйшій изъ нихъ, извѣстный намъ „поповскій староста“ священникъ **Алексѣй Тимофеевичъ** 1681 г.

2. **Макаръ Діомидовъ** (годъ неизвѣстенъ).

3. **Евфимъ** 1753 г.

4. **Леонтій Ивановъ** съ 1753—1789 при немъ приходила въ Керенскъ пугачевская шайка и происходило открытіе въ городѣ „новаго управленія“.

5. **Василій Петровъ** зять Леонтія Иванова 1789—1801 г.

6. **Алексѣй Θедоровъ**, переведенъ изъ Керенской Архангельской церкви съ 1801—1807 г.

7. **Козьма Максимовъ**. 1807—1817, сынъ священника **с. Студенецъ** Шацкой округи, въ семинаріи необучался. Съ 1795 года состоялъ діакономъ при той же Богоявленской церкви, штрафованъ былъ „за драку съ причтомъ“, а во второй разъ сосланъ былъ въ Казанскій Нижне-Ломов-

скій монастырь „за нетрезвое поведеніе“, въ третій разъ за тоже поведеніе въ архіерейскій домъ на исправленіе.

8. **Михаилъ Степановъ Ключевскій** 1817—1828, сынъ дьячка Чембарской округи и зять предыдущаго. Изъ студентовъ Пензенской семинаріи „Былъ на мѣстѣ семъ (т. е. священникомъ) 7 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ, изъ коего времени половину священнодѣйствовалъ, (удаленъ отъ должности въ 1821 г.), а послѣднюю былъ подъ судомъ съ запрещеніемъ священства, за пьянство и буйные поступки, и наконецъ лишенъ вовсе онаго“.

9. **Иванъ Осіевъ Кирьяковъ** 1825—1861 г. изъ Инсарскаго уѣзда с. Конопати, сынъ пономаря (**Осіи Иванова**) Успенской церкви г. Саранска. До риторики обучался въ Казанской академіи и окончилъ курсъ въ Пензенской семинаріи при **епископѣ Моусеѣ,** (ректоромъ семинаріи былъ въ то время архимандритъ **Ааронъ** обучавшій французскому и нѣмецкому языку) и обучался тамъ греческому, латинскому и французскому языку. Въ 1816 году былъ посвященъ во священники упраздненнаго **города Шишкеева** къ собору, а въ 1825 въ январѣ мѣсяцѣ „въ уклоненіи злобы на него отъ прихожанъ“ переведенъ въ **с. Конопать.** Въ 1830 г. декабря 10 утвержденъ въ должности „увѣщателя по присутственнымъ мѣстамъ“ и состоялъ въ оной до 20 іюля 1837 года, послѣ чего опредѣленъ „депутатомъ“ въ тѣхъ же присутственныхъ мѣстахъ и состоялъ до 1847 года. Кромѣ того въ то же время былъ и законоучилемъ **Керенскаго приходскаго училища** съ 23 февраля 1833 года по 4 октября 1834 г. Въ 1861 году оставленъ за штатомъ „по собственному желанію“. Послѣ того жилъ еще годъ и четыре мѣсяца и затѣмъ 1862 года 8 мая скончался „въ банѣ отъ угара“ и погребенъ при Керенской кладбищенской церкви.

10. **Павелъ Никольскій** съ 1861—1862 г. изъ студентовъ.

11. **Андрей Беневольскій** съ 1862 г. января 14 дня.

Священники Покровской церкви.

(Изъ клировой вѣдомости за 1843-го года).

1. „**Священникъ Іосифъ Дмитріевъ**, священническій сынъ. Въ семинаріи неучился. Опредѣленъ былъ къ сей церкви во дьячки въ 1791 генваря 3 Тамбовской духовной консисторіи, 1792 года апрѣля 1 посвященъ въ стихарь, преосвященнымъ **Ѳеофиломъ** епископомъ Тамбовскимъ. 1802 г. марта 30 рукоположенъ во священники онымъ же преосвященнымъ Керенской округи въ **село Лунданъ** и въ томъ же году іюня 19 опредѣленъ благочиннымъ. Въ 1808 году марта 7 къ сей церкви переведенъ на настоящее мѣсто. Въ 1818 году награжденъ набедренникомъ преосвященнымъ **Амвросіемъ** (1-мъ) епископомъ Пензенскимъ и съ 1827 года (при еп. Ириней) находился сотрудникомъ (попечительства) о бѣдныхъ духовнаго званія. 1829 года мая 3 за отличное и долговременное служеніе благочиннымъ, награжденъ фіолетоваго цвѣта бархатною скуфьею. 1830 г. іюля 25, по желанію своему и по просьбѣ его, отъ благочиннической должности уволенъ съ выдачею аттестата. 1836 года въ ноябрѣ 4 числа по указу Пензенской духовной консисторіи, по недоказательству его на счетъ злоупотребленія содержателя свѣчной лавочки купца Ляменцова при отпускѣ въ церкви свѣчь и о продажѣ въ Казанской ярмаркѣ неправильно писанныхъ иконъ, велѣно, какъ вздорный и совсѣмъ не свойственный служителю алтаря характеръ, подтвердить ему въ послѣдній разъ, о удаленіи себя отъ подобныхъ вздоровъ подъ опасеніемъ отрѣшенія отъ мѣста и съ порученіемъ мѣстному благочинному имѣть за

поведеніемъ его строгое наблюденіе. **Состоялъ подъ слѣдствіемъ** по указу Пензенской духовной консисторіи 1817 года сентября 26 дня яко бы въ чиненіи имъ прихожанину однодворцу **Алексѣю Копенкину** притѣсненіемъ за свадьбу платы, но по дѣлу сему оправданъ. Въ 1819 году марта 1 дня по указу оной же консисторіи учиненъ ему выговоръ за обидныя слова, писанныя имъ въ посланныхъ письмахъ **Г. Ношкина** къ крестьянину **Ивану Степанову**, совѣтующему искать отъ господина свободы, въ чемъ и обязанъ подпискою. 1835 года мая 1 дня по указу оной же консисторіи оштрафованъ девятью рублями за неумѣстныя выраженія, писанныя въ объясненіи къ Керенскому городничему. Сверхъ сего того же года октября 15 дня по указу оной же консисторіи учиненъ ему выговоръ, за неумѣстныя выраженія въ бумагахъ писанныхъ противу Керенскаго городничаго. 1836 года мая 12 дня учиненъ ему выговоръ за неправильный доносъ той же церкви на пономаря **Ивана Васильева** съ строжайшимъ подтвержденіемъ, чтобы онъ впредь недѣльныхъ и прихотливыхъ бумагъ незаводилъ и оными высшее начальство необрѣменялъ и братскія доходы дѣлилъ бы узаконеннымъ порядкомъ, безъ малѣйшей утайки, въ чемъ и обязанъ подпискою".

Изъ той же вѣдомости видно, что священникъ Іосифъ Дмитріевъ былъ женатъ на **Ефиміи Николаевой** и дѣти его **Димитрій** служитъ въ Саратовской казенной палатѣ контролеромъ. **Павелъ** въ Пензенской гимназіи старшимъ учителемъ. **Михаилъ** въ Иркутской семинаріи учителемъ въ низшемъ отдѣленіи. **Николай** обучается въ Казанскомъ университетѣ, а дочь **Евпраксія** за законоучителемъ Пензенскаго дворянскаго института, извѣстнымъ въ свое время, священникомъ **Иваномъ Матвѣевичемъ Пачелмовскимъ**.

Кромѣ этихъ оффиціальныхъ свѣдѣній по преданію извѣстно, что отецъ Іосифъ Дмитріевъ, прилежно обучалъ своихъ прихожанъ взрослыхъ и дѣтей, молитвамъ.

2. **Яковъ Ивановичъ Державинъ** съ 1846—1848 г. сынъ пономаря и окончилъ курсъ въ Пензенской семинаріи.

3. **Василій Афиногеновичъ Колоновскій** съ 1848 года.

5.

Письма старосты села Богородскаго Ивана Ѳедотова и Выборнова Петра Гордѣева.

(Документъ 1738 года).

I.

Государю Никитѣ Григорьевичу (?) твоей вотчины села Богородцкаго староста Иванъ Ѳедотовъ и выборной Петръ Гордеевъ челомъ бьемъ.

Вѣдомо тебѣ Государь буди: въ вотчинѣ твоей въ селѣ Богородцкомъ по ниже объявленное число далъ Богъ здорово.

По указу твоему, Государь, отпущено въ Москву отъ дому вашего про столовой обиходъ: мяса стягъ говяжей и съ потрохомъ, да свинаго мяса-жъ восемь тушъ вѣсомъ пятнадцать пудъ с потрохами; птицъ три гуся, утокъ двадцать шесть с потрохами-жъ, индѣйскихъ куръ двадцать три, да русскихъ куръ двадцать девять. Пятнадцать ососковъ масла коровьяго в трехъ кадушечкахъ, в томъ числѣ две Никитинской жены Сафонова—Анны Кондратьевой; в одной вѣсомъ и з деревомъ—пудъ двадцать фунтовъ, въ другой—пудъ тридцать фунтовъ; да Никиты Барсуковой жены Хавроньи Сергѣевой кадушечка вѣсомъ и з деревомъ—пудъ

тридцать пять фунтовъ, да ее-жъ Барсуковой жены оставлена кадушечка вѣсомъ и з деревомъ—пудъ, для пріѣзду твоего господскаго. Сала говяжьяго коровайчикъ вѣсомъ три фунта, да свинаго сала коровай 10 фунтовъ, масла льнянаго боченокъ мѣрою два ведра; вина въ трехъ бочкахъ: в первой осмнадцать ведръ в другой семнадцать, да въ третьей шеснадцать ведръ. Сукна (?) мѣрою в одномъ шеснадцать аршинъ, въ другой двенадцать, да остатокъ по пяти аршинъ две четверти. Крупъ просяныхъ да кожа говяжья-бычья: И с вышеозначенномъ століовомъ обиходѣ и прочье посланъ на пяти крестьянскихъ, да на двухъ господскихъ кобылицахъ всего на семи подводахъ; приказано при томъ обозе смотрѣть крестьянину Калинѣ Карпову. Ему-жъ Калинѣ данъ и указъ о провозѣ вина, и тотъ указъ прикажете намъ Государь прислать. За темъ толикое число подводъ нынѣ в Москву мало послано больше послать ненаемъ. Въ прошломъ 734 году въ работникахъ...... (Здѣсь въ рукописи буквы стерлись) о томъ писано къ тебѣ Государь с Антипомъ Семеновомъ всего одиннадцать человѣкъ; да три человѣка в Москвѣ у тебя, Государь, въ томъ числе двое Семеновыхъ дѣтей: Іванъ, да Антипъ, да Кононъ....., а Семеновъ же сынъ Василей поѣхалъ будто з братомъ Антипомъ в Москву і в домѣ его нынѣ нѣтъ, а в Москве ли онъ или нетъ о томъ я не свѣдомъ, и работы твоей господской отъ нихъ Семеновыхъ никакой вѣту. Также и подводу зачит.... в подводу нынѣшняго отъѣзду брата своего Антипа.

Сего жъ 1738 г. генваря въ 9 день изъ гребцовъ кои были посланы в прошедшемъ 1737 году весною въ маѣ мѣсяцѣ крестьянинъ твой Аника Ивановъ пришелъ хворъ, а Петръ..... умеръ, про то Аника и сказалъ што я погребъ ево в Азовѣ и отпущенъ де онъ Аника изъ Азова августа

в послѣднехъ числѣхъ за недѣлю до Семена дня. И нынѣшняго 1737 года декабря въ 23 день дано Василію Дорогину на кавтанъ сукна восемь аршинъ. На нынѣшной 1738 годъ неплачены съ куба пошинныя деньги, а хлѣбъ продается здѣсь цѣною дешевою о томъ и прежде сего писано.... хлѣбъ во многихъ....., а намъ отъ васъ Государь указу нѣтъ. На сей же 1738 годъ повещено указомъ.... о драгунскихъ лошадяхъ з дву сотъ осмнадесяти....... а мѣрою два аршина два вершка, а ставить гдѣ кому способно в Москве и в прочихъ мѣстахъ. И о томъ мы незнаемъ где намъ тотъ платежъ способнѣе платить, и такихъ лошадей в вотчинѣ твоей у крестьянъ в ту указную мѣру неотыщетца; и о томъ, какъ ты Государь поволишъ здѣсь ли намъ в складку отдать или въ Москвѣ Государь..... прил....... на прошломъ 737 г. в платежъ драгунской лошади былъ зачетъ, а почему о томъ незнаемъ. И с той платежной описи или..... копія. И по той копіи по.... в Керенски зачету неучинено. 1738 г. генварь.

II.

Подалъ Василій Добрынинъ Генваря 28 дня 1738 года.

Прошлаго 1737 года Декабря противъ 25 числа в городъ Керенскъ прибылъ воеводою господинъ маэоръ Борисъ Володимеровичъ Полуехтовъ.

Посланъ Государь при сей нашей отписке два писма: одно отъ господина воеводы Бориса Володимеровича х тебѣ Государю, а другое отъ госпожи воеводчи Авдотьи Афонасьевнѣ. Прикажи государь сослать куда надлежитъ и она

о том нам изволила и словесно приказывать, чтоб о томъ письмѣ к вамъ государю отписать.

Сего 1738 г. взятъ о провозе вина указъ для передняго случая на девяносто ведръ, случит..... по тому жъ указу и на нынѣшнiй годъ будущую сидку.

А нынѣ что послано вина о томъ писано, и в накладной росписи о томъ явствуетъ.

На сей 1738 годъ повещено по указу провiантъ з души по два четверика, овса потому-жъ, крупъ по получетверику. Из того намъ запасу надлежитъ шестдесятъ пять четвертей, шесть четвериковъ с получетверикомъ. И на тотъ провiантъ оставлено двадцать пять подводъ, а на каждую подводу положено ржи по две четверти съ полуосминою итого тринадцать подводъ; да подъ овесъ, а положитъ по три четверти и того девять подводъ; а подъ крупу с оставшимся овсомъ двумя четвертями с полуосминою три жъ подводы. И тотъ провиантъ велѣно ставить гдѣ кому способной намъ тотъ провiантъ довлѣетъ ставить на Воронеже. А ныне меня увѣдомили, что тотъ провiантъ Воронежской губернiи велѣно ставить в Новопавловскъ.....

6.

Списокъ населенныхъ мѣстъ Керенскаго уѣзда, принадлежавшихъ разнымъ владѣльцамъ въ XVIII и началѣ XIX вѣка.

1. Село Козмодемьянское **Кармалейка** тожъ, принадлежала **Ломоносовымъ** Петру, Григорiю и Николаю Гавриловичамъ (дѣти ротмистра Ломоносова Керенскаго депутата Екатерининской коммиссiи).

2. Того же села „отхожая часть земли“ принадлежала Елезаветѣ Алексѣевнѣ **Ронцовой**, Андрею Николаевичу **Радищеву** и Надеждѣ Ивановнѣ **Радищевой**.

3. Сельцо **Горки** и деревня **Новая Кармалейка**, Елизаветѣ Алексѣевнѣ **Ронцовой** и графу Ивану Григорьевичу **Чернышеву**.

4. Полдеревни Новоселки-**Баранчеевка** тожъ графу Ивану Григорьевичу Чернышеву.

5. Деревня Озерки, **Таракановка** тожъ Аграфенѣ **Прохоровой** и Петру, Николаю и Григорію Гавриловымъ **Ломоносовымъ**.

6. Деревня **Шелдаисъ**,-Лямбуръ тожъвладѣльцы изъ Касимовскаго, Елатомскаго, Нижне и Верхне-Ломовскаго уѣздовъ. Имена неизвѣстны.

7. Сельцо **Староэ-Чіушъ**, Кадомскаго уѣзда дер. Большой Никиткиной Мурзы Аюкая Сеитова сына **Чурмантеева**.

8. Село Архангельское-**Ртищево** тожъ, Покровское-**Семивражки** тожъ, Архангельское **Большая Лука** тожъ, **Богородское** и сельцы: **Лопатино**, Никольское-**Летево** тожъ, Сергіевское-**Свищево** тожъ; Покровское усть-**Тенево** тожъ и деревня **Шелашовка**. Авдотьи Никитичны **Сабуровой**, Николая Ивановича **Чичерина**, Ивана Григорьевича **Чернышева**, Ивана Афанасьевича **Енгалычева**.

9. Село **Дубасово** - Архангельское тожъ, Ильи Матвѣевича **Дубасова**.

10. Селенія Большая и Малая **Ижморы**, **Вяземка** и **Ушенка** вѣдомства Государствен. коллегіи, бывшія владѣнія **Московскаго Благовѣщенскаго Собора** (что у Государя на сѣняхъ). Въ с. **Б. Ижморѣ** бываетъ еженедѣльный **торгъ по средамъ** (и до нынѣ), на который съѣзжаются изъ ближайшихъ городовъ купцы съ шелковыми, шерстяными и ме-

лочными товарами, а изъ уѣзда жители съ хлѣбомъ и деревенскими продуктами.

11. Сельцо Исаево, **Кортенево** тожъ, деревня **Титово** тожъ и с. Никольское **Кита** тожъ, Ивана Григорьевича **Чернышева**, Марьи Ивановны **Всеволожской**. Винокуренный заводъ, котораго часть въ дачѣ с. Никольскаго-Киты тожъ, въ немъ 20 англійскихъ кубовъ; вина выкуривается 50 т. ведръ, которое отправляется поставкою въ города Нижній, Москву, Богородицкъ и Керенскъ.

12. Село Сергіевское **Поливаново** тожъ. На лѣвой сторонѣ р. Вада, на коей мельница мучная о трехъ поставахъ; церковь во имя св. Сергія Радонежскаго, два господскихъ деревянныхъ дома и винокуренный заводъ, въ немъ 16 англійскихъ кубовъ и вина выкуривается 12 т. ведръ, которое поставляется въ Москву, Суздаль и Муромъ.

Бывшаго Верхне-Ломовскаго уѣзда:

13. Село Сергіевское-**Шеино** тожъ и деревня **Козловка**, Алексѣя Өедоровича **Турчанинова** и Якова Андреевича **Охотникова**.

14. Село Архангельское-**Буртасъ** тожъ, Алексѣя Өедоровича **Турчанинова**.

15. Села: **Знаменское**-Буртасъ тожъ, **Кандевка**, **Марьино**; деревни: **Самариха**, **Колесовка** и **Языковка** князя Матвѣя Алексѣевича **Гагарина**

16. Село Александровское-**Черкасское** тожъ и деревня **Ильина**, Дарьи Александровны **Арсеньевой**.

17. Село **Никольское**-Шичкилей тожъ и деревня **Ольшанка** кн. Матв. Алексѣевича **Гагарина** и кн. Ивана Аөанасьевича **Енгалычева**.

18. Село **Архангельское**-Князь Ларіоново тожъ и деревня Снохина Елиз. Алекс. **Ронцовой**.

19. Село Никольское-Куземкино тожъ и Троицкое-Орьево тожъ, кн. Матв. Алекс. Гагарина.

7.

Старинныя названія нѣкоторыхъ мѣстностей Керенскаго уѣзда.

Кладовая гора съ пещерой, находится близъ села Поливанова противъ дер. Свищевой въ прелестной мѣстности. Тамъ, гдѣ возвышается эта „кладовая" гора, по обѣ ея стороны два крутыхъ оврага, густо поросшіе мелкимъ кустарникомъ, глубоко врѣзываются въ возвышенность праваго берега р. Вада. Какъ сама „кладовая" гора, такъ и сосѣднія съ нею высоты сплошъ покрыты молодымъ лиственнымъ лѣсомъ, въ свѣтло-зеленой массѣ котораго, подъ с. Поливановымъ, темнѣютъ высокія, кудрявыя сосны—остатокъ рощи,—какимъ то чудомъ уцѣлѣвшій привсеобщемъ лѣсо истребленіи послѣднихъ лѣтъ. Подъ горою, на далекое пространство, стелются луга—„отхожіе" сѣнные покосы урочища **Кизимъ—Велизимъ,**—упоминаемые въ старинныхъ рукописяхъ;—а по лугамъ бѣжитъ рѣчька Вадъ; бѣжитъ она прихотливо изгибаясь и вровень съ берегами поросшими частымъ тальникомъ и бузиной, къ самой водѣ свѣшивающимъ свои зеленыя вѣтви. Что же касается до самой „кладовой" горы, то она не представляетъ ничего особеннаго, исключая развѣ только, глубокой ямы, извѣстной подъ громкимъ названіемъ „пещеры"; и если бы не преданіе о Кудеярѣ, связанное съ этою горою, то едвали бы она, привлекла чье либо вниманіе.

Весьма мало, или даже, почти ничего особеннаго не представляетъ также и **Кудеяровская роща** близь села Кот-

ла, эта роща къ тому же, и вырублена въ настоящее время и только одинъ столбъ съ надписью заявляетъ объ ея историческо-легендарномъ названіи. Если же и есть что либо замѣчательное вблизи Кудеяровской рощи, такъ это мѣстоположеніе села Котла, которое, помѣстившись въ глубокой и тѣсной котловинѣ и окруженное совсѣхъ сторонъ крутыми возвышенностями лишь мѣстами прорѣзанными узкими долинами,—могло, дѣйствительно, служить, въ старину, разбойничимъ притономъ какого нибудь „кудеяра" или другаго какого либо удальца. Побитый караулъ или урочище „побитое", находится въ 8 верстахъ отъ г. Керенска по большой дорогѣ на сс. Черкасское и Б. Ижмору. По преданію, урочище это получило свое названіе отъ того, что на этомъ мѣстѣ находился, въ старину, „караулъ", стояли стражники, которые и были истреблены, „побиты", хищниками, нападавшими на Керенскъ въ первые времена его существованія. Можетъ быть также, что на этомъ мѣстѣ стояла „сторожевая башня", которая, по свидѣтельству Калачева, составляла также неизбѣжную принадлежность городовъ сторожевой черты и ставилась неподалеку отъ города.

Подлѣсный станъ—находится тамъ гдѣ дер. Снохина.

Куній островъ—близъ Буртаса.

Каменная роща—въ данахъ г. Охотникова.

Яшмаметевъ липягъ недалеко отъ рр. Ушенки и Ноксязи (изъ дѣла капитана князя Михаила Ларіоновича Кугушева 1740 г.).

Урочище Зимникъ—въ лѣсной дачѣ села Ушенки.

Урочище Черное—близъ сельца Малаго Буртаса въ лѣсной дачѣ купца Денисова.

Высокія Дубровки,—другое названіе д. Сапеловки, владѣнія С. Н. Вышеславцева.

Муравьятникъ, лѣсъ, принадлежитъ г-жѣ Козловой близъ д. **Пятницкой**.

Топкина Вершина, лѣсъ на горѣ близъ дер. **Топкиной**.

Некрасова роща въ Дмитріево-Поливановской вотчинѣ, —лѣсная дача А. Н. Миллера.

Липяжный оврагъ, между селеніями **Буртасомъ** и **Пятницкимъ**. Въ этомъ оврагѣ найдены были кости мамонта, человѣческіе черепа и древнія монеты (куфическія) и оружіе.

Кушинный оврагъ, за с. **Салтыковымъ** въ дачахъ гг. Раевскихъ. Здѣсь найденъ былъ панцырь въ видѣ кольчуги.

Гора-Городокъ — остатокъ древняго укрѣпленія, находится за **Старымъ Селомъ** около д. **Фелицатовки**.

Ендова Козловская или **Журавлиный оврагъ**.

Стаканова роща.

Золотой Липягъ—близъ с. Шеина.

Коршуновская земля—въ дачѣ села **Никольскаго**-Шичкилей тожъ.

Дьяконова и **Маховая** рощи во владѣніяхъ князя **Шаховскаго**.

Кромѣ того въ имѣющихся у насъ отрывкахъ старинныхъ рукописей встрѣчаются и другія названія; такъ напр., „въ Керенскомъ уѣздѣ **въ Подгородномъ стану**, что нынѣ деревня Щербаковка.

„А отъ того вяза черезъ рѣчку Ноксазгу и черезъ **Ржавецъ**, на **высокій курганъ**, къ Шиманетеву Липягу.“

„Рѣчкою Орловкою.... черезъ Ржавецъ на **высокій Маръ**“ (марами, называются древніе курганы).

„Отставной фурьеръ **Исай Васильевъ**, продалъ князю М. Л. Кугушеву въ Верхне-Ломовскомъ уѣздѣ за **Вадовскіе ворота**, въ крѣпостяхъ, (т. е. юридич. актахъ) межъ большихъ лѣсовъ.... на р. Вадѣ, по обѣ стороны.... что нынѣ с. **Богоявленское**,—а **Вадовское** тожъ **Коповка**.“

„191 года (1683) Якову Лебедеву отказано изъ порожнихъ земель за **Вадонскимъ острошкомъ** за помѣстными землями...... Гр. Бородулина, Трофима Слабожанскаго съ товарищами въ **Медвѣжьемъ** углу отъ большаго **Водянскаго лѣсу**, идучи медвѣжьимъ угломъ внизъ по Ушинской вершинѣ.

„Князю Тенишеву опредѣлено съ Керенск... по близости дачи Лебедева отъ Ломовскаго **большаго чернаго** лѣса, черезъ рѣчку Тюревку до **Коровьей дорожки.**"

Калмы или **Ка́лмы,**—такъ называются старинныя могилы въ рощѣ близь д. Пеньковъ. Года два тому назадъ въ одной изъ такихъ могилъ найдены кости, длинные, заплетенные въ косу волосы и посохъ окованный мѣдью.

8.

Переводъ названій нѣкоторыхъ мѣстностей Керенскаго уѣзда.

Кромѣ названій селеній **Пимбура**, Лямбура (с. Салтыково) и **Киты** (Кейтъ, Кидъ, Китъ), происшедшихъ, какъ можно догадываться, отъ мадьярскихъ словъ,—остальные **нерусскія** названія селеній Керенскаго уѣзда происходятъ отъ **мордовскихъ** словъ.

КЕРЕНСКЪ происходитъ отъ слова **Керянъ**—рублю, т. е. произвожу рубку лѣса или чего другаго. Другіе слова отъ этого корня: **кернь**—рубилъ, **Керсіе**—изрубилъ, **Керселисъ**—изрубить и **Керіе**—изрубалъ.

ШИЧКИЛЕЙ (с. Никольское-Шичкилей) **Шичкь**—поперегъ, **лей**—оврагъ; т. е. поперегъ оврага. Слово поперегъ, на мордовскомъ языкѣ обозначается также словомъ **Туркс Лейга,**—значитъ—оврагомъ, т. е. творит. под. отъ

слова **лей**; **Потма-лей**—дно оврага; лей **кувалмасъ**—вдоль оврага, при чемъ слово вдоль обозначается словомъ **кувалмасъ**.

КАНДЕВКА, происходитъ отъ слова **Канда**, означающее подводную отмель—наносъ на днѣ рѣки, скрытый водою.

Карма-лейка,—состоитъ изъ двухъ словъ: **карманъ**—стану и **лей**—оврагъ, что вмѣстѣ значитъ: стану оврагомъ.

Въ названіи **Ягановка**, какъ бы слышится нѣмецкое имя Іоганъ—Иванъ, Іоаннъ.

Козлейка старая,—по мордовски называется **козелей сире**, при чемъ слово **козе** обозначаетъ—богатый, **лей**—оврагъ и **сире**—старый. Подстрочный переводъ этого названія будетъ: Богатый оврагъ старый или старый богатый оврагъ.

НОВАЯ КОЗЛЕЙКА, по мордовски **одъ-козе-лей**, гдѣ слово **одъ**—означаетъ новый.

АТКИНО, происходитъ отъ слова **Атъ**—нѣтъ.

НОКСА—есть ничто иное, какъ перефразировонное слово **Нокта**, что значитъ **узда**.

АЙМОЛОДКА—**Аймо**—захваченная кѣмъ либо мѣстность.

КАРГАЛЕЙ, отъ словъ **карго**—журавль и **лей**—оврагъ; другими словами Каргалей знач. **Журавлиный оврагъ**. Производныя отъ слова **Карга** фразы будутъ: **Неянь карга**—вижу журавля; **Кундань карга**—поймалъ журавля; **Кунціе каргть**—ловилъ журавля и **Нолдае каргть**—пустилъ журавля.

ТЕНЕВО—отъ слова **Тени**—нынѣ.

КОРТНЕВО—отъ слова **Кортанъ**—говорю, или **Кортань**—говорилъ.

АРТАМАСЪ—отъ слова **Артъ**—ступай.

ЛЕТЕВО,—называется по мордовски **Киза,** что означаетъ лѣто.

Урочища: КИЗИМЪ, происходитъ отъ слова **Киза**—лѣто или слова **Ки**—дорога.

ВЕЛИЗИМЪ — отъ слова **Веле**—село, вмѣстѣ произнесенное **Кизимъ-Велизимъ,** будетъ значить, **сельская лѣтняя дорога** или **лѣтняя дорога на** (**къ**) **село** (д).

Г. П.

КОНЕЦЪ.